

фонд
либеральная
миссия
библиотека
фонда
либеральная
миссия

Евгений Ясин
Приживется ли
демократия в России

Евгений Григорьевич Ясин Приживется ли демократия в России

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3089215
Приживется ли демократия в России: Новое издательство; М.: 2006
ISBN 5-98379-056-0*

Аннотация

Новая книга Евгения Ясина посвящена истории и перспективам развития демократии в России. Рассматривая демократию в рамках политической и экономической теории и анализируя российскую историческую практику, Ясин демонстрирует политические и экономические преимущества демократической формы правления и убедительно опровергает распространенный тезис о ее несоответствии задачам и свойствам современного российского общества.

Содержание

Предисловие	5
Часть I	8
Глава 1	8
1. 1. Две оценки текущего момента	8
1. 2. Преимущества демократии	9
Издержки демократии	10
1. 3. Трудности перехода	11
Смена власти	13
Глава 2	15
2. 1. Теория всеобщего блага	15
Общественный договор	15
Теория равновесия в экономике	15
2. 2. Политическая конкуренция	16
Демократия и равенство	16
Теоретико-игровой подход	16
Пример 1: гражданское правительство и военные	17
Равновесие при демократии спонтанно	17
Пример 2: согласие дополняет равновесие	18
Гэри Беккер: самоуправление минимизирует	19
политическое давление	
«Парадокс Эрроу» и как его решает демократия	19
Глава 3	21
3. 1. Минимальный набор: семь признаков демократии	21
3. 2. Формы правления	22
Слабое государство, хаос	22
Авторитарные системы	22
Демократия участия и гражданское общество	22
Элитарная демократия	23
Зрелая и молодая демократии	25
Управляемая демократия	26
Связи форм правления	29
3. 3. Молодость демократии: очерк истории	30
Глава 4 Российская демократическая традиция	34
4. 1. Самодержавие	34
Демократизация как проникновение «простых	35
людишек» во власть	
Традиции законности: слово и дело	35
Пять эпизодов	36
4. 2. Смутное время	36
«Подкрестная запись» Василия Шуйского	37
Договор 4 февраля 1610 года	37
4. 3. Земский собор 1648—1649 годов	37
Московское восстание 1648 года	39
Земский собор и требования сословий	39
4. 4. Либеральные реформы Александра II	40
Царь и народное представительство	40

Состояние общества	41
4. 5. Революция 1905—1907 годов	41
Необходимость перемен	41
Манифест 17 октября	42
Элита и революция	42
Государственная дума	43
4. 6. От Февральской революции до Учредительного собрания	44
Готовность к демократии	44
4. 7. Уроки истории	46
Глава 5	48
5. 1. Перестройка и демократизация	48
Стратегический выбор Горбачева	48
Через пропасть в три прыжка	50
Протодемократия	50
Революция	51
5. 2. Реформы или демократия	53
Рыночные реформы	53
Горбачевский этап	54
Ельцинский этап	54
Противостояние	58
Начало управляемой демократии	60
Реформаторы и олигархи	63
Часть II	66
Глава 6	66
6. 1. Смена вех. Новый триумф управляемой демократии	66
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Евгений Ясин

Приживется ли демократия в России

Трем моим музам, Лиде, Ирине и Вале, посвящаю

Предисловие

В этой книге речь идет о событиях, произошедших до конца 2004 года. Жизнь продолжается, но надо поставить точку, тем более что я писал не «хронограф».

Первые десять дней нового 2005 года, т. е. все новые каникулы, мы с женой болели и вынужденно были прикованы к телевизору. Десять дней – одни эстрадные концерты с диким шумом, миганием и мерцанием, парад смехачей во главе с Е. Петросяном и фильмы, фильмы – старые, по пять раз виденные; сравнительно новые, но с теми же стрелялками, ментами и бандитами. На худой конец, после полуночи – сладкая эротика от Эммануэль. По «Эхо Москвы» Матвей Ганапольский обсуждает с Михаилом Леонтьевым вопросы кулинарии, и слушатели благодарят их за то, что они наконец не говорят о политике, не портят людям нервы.

Мне вдруг пришла в голову ужасная мысль: а если так будет весь год? А что, вполне может быть, к этому все и идет. Ужасная тоска! А потом что – вообще одно «Лебединое озеро»? Поэтому я сел за предлагаемую вниманию читателя книгу. Она написана человеком, который тешит себя иллюзией о своей принадлежности к ученому сословию. Но это не научный трактат, а что-то вроде публицистики, в общем, не мой жанр. Это книга гражданина, который озабочен судьбами своей страны и тревожится за ее будущее.

Я торопился, стараясь успеть. Не знаю, правда, к чему и почему. Видно, казалось, что, если мои сограждане поскорей прочтут мою книгу, они станут хоть немного другими, поймут что-то важное. Конечно, я знаю, что это не так. Но здесь дело не в разуме, а в эмоциях – ведь это они движут человеком в момент опасности, когда нужна мобилизация сил.

Торопясь, я рассчитывал уложить задуманное в 50—80 страниц. Но не вышло. Над текстом работал впопыхах, вопреки научным нормам: я отказался от идеи давать обзор отечественной и иностранной литературы, посвященной разбираемым мной темам; вместо этого брал работы одного–двух уважаемых мною специалистов в каждой такой области, привлекал материалы текущей прессы – что попадалось под руку, только бы скорей. И все равно работа затянулась, а объем возрос многократно.

Я попытался сделать книгу максимально доступной, хоть фрагментарно, именно для этого я разбил текст на главы, параграфы и рубрики. Читать ее можно выборочно. В тексте много врезок с цитатами и примерами, они не всегда сделаны в традиционной манере. Это тоже от спешки: хотелось дать иные мнения, интересные факты, подтолкнуть размышления читателя, при этом не вдаваясь в дискуссии.

Теперь, так и не чувствуя, что работа завершена, я отдаю свой труд на суд читателя.

В 2004 году мне исполнилось 70 лет. На юбилейном вечере Егор Гайдар в своем выступлении сказал: «Вы создали в России рыночную экономику (такое, знаете, юбилейное преувеличение. – Е. Я.). Теперь, я знаю, Вы тревожитесь о российской демократии. Ну надо же что-то оставить молодому поколению». Согласен, и думаю, что все равно мало уже что успею.

Мне, разумеется, знаком философский взгляд Егора Тимуровича на сегодняшнюю ситуацию (он детально изложен в его только что вышедшей фундаментальной книге «Дол-

гое время)): такое время, неизбежная полоса неустойчивого развития, в которой власть оказывается попеременно в руках разных сил, используя имеющиеся возможности, необходимо делать то, что будет содействовать развитию страны завтра, а сегодня стараться не допустить до власти демагогов и экстремистов. Правда, чтобы следовать этой концепции, у самого Гайдара порой не хватает выдержки.

Тем более не хватает ее у меня. Так случилось, что я имел отношение к тем переменам, которые произошли в нашей стране в последнее десятилетие XX века. Дело вовсе не в заслугах, которые я сам оцениваю более чем скромно. Когда судьба позвала меня во власть, я понимал, меня будет ждать не слава, а попреки. Но мне казалось, я обязан выполнить свой долг: да, на поприще реформ не сыщешь ни славы, ни благодарности, но страна сможет встать на ноги и двинуться на пути к процветанию. Так оно и вышло. Я радовался всем продвижениям реформ, всем позитивным изменениям, которые эти реформы вызывали. Однако с середины 2003 года дела у нас стали поворачиваться таким образом, что экономические и политические преобразования в России, за которые я переживал, оказались под угрозой. Именно это заставило меня взяться за книгу не по моей специальности, однако именно эта проблема кажется мне сегодня самой важной для нашей страны.

Россияне не больно-то ценят демократию, как в силу отсутствия привычки и вкуса к ней, так и потому, что в недавнем прошлом она не оправдала, как многим из них кажется, их ожиданий; другие считают, что демократия и вовсе не подходит России, у которой свой, особый исторический путь. Но я убежден, что демократия жизненно необходима для нас. Именно сейчас пришло ее время. Но властям предрежающим, похоже, дело представляется иначе, и они пытаются нас убедить, что лучше знают, что нам нужно. В книге я пишу, почему это не так.

Сразу скажу: я не против Путина, в 2000 году я голосовал за него в надежде на продолжение курса рыночных реформ и демократии. Второй раз я уже не мог отдать ему свой голос. Еще раз: я вообще не против кого-либо – я за! – за демократию, за новую демократическую Россию под российским триколором, под которым в августе 1991 года мои сограждане защищали Белый дом.

Я уже не буду голосовать за Путина, впрочем, он и сам вроде бы уважает Конституцию. Но я также не хочу, чтобы преемником Путина оказался еще один выходец из спецслужб, чтобы эти ребята создали из своей корпорации правящую династию. Не потому что я против безопасности, а потому что полагаю их власть опасной для страны. И еще больше я не хочу, чтобы при их попустительстве, пользуясь недовольством народа, к власти пришла оголтелая кучка националистов и популистов, уже сейчас разжигающая и эксплуатирующая народный гнев. Я хочу, чтобы все мы захотели и привыкли быть свободными людьми и свободно выбирали своих представителей для управления страной. Чтобы они служили нам и были бы ответственны перед нами. Я хочу, чтобы частная инициатива бурлила и поднимала экономику, делая нас богаче. Я хочу, чтобы всем было интересно смотреть телевизор – кому «Аншлаг», а кому Л. Парфенова и В. Шендеровича.

О том, можно ли это сделать и как, написана эта книга.

Огромная благодарность моим товарищам, которые способствовали ее написанию. Спасибо тем из них, кто согласился прочитать рукопись и высказал свои замечания, – Е. Гаюдару, И. Клямкину, Д. Зимину, Г. Сатарову, Л. Шевцовой. Я также хочу выразить глубокую признательность всем моим коллегам по Высшей школе экономики и Фонду «Либеральная миссия» – С. Авдашевой, Ф. Алескерову,

В. Бессонову, Е. Гавриленкову, В. Гимпельсону, В. Голиковой, Т. Долгопятовой, Д. Драгунскому, Л. Ионину, Я. Кузьминову, Л. Любимову, В. Радаеву, Е. Серовой, М. Урнову, О. Шкаратану, Л. Якобсону А. Яковлеву, а также С. Алексашенко, Л. Алексеевой, Ю. Афона-

сьеву, А. Аузану, А. Белоусову, М. Бергеру, А. Венедиктову, А. Вишневскому, Л. Григорьеву, Е. Гурвичу, М. Дмитриеву, Т. Заславской, А. Иванченко, А. Кара-Мурзе, Н. Косаревой, М. Краснову, Б. Кузнецову, О. Лацису, М. Либоракиной, Т. Малевой, В. Мау, Э. Набиуллиной, Л. Овчаровой, В. Преображенскому, А. Рогинскому, Е. Сабурову, Б. Салтыкову, С. Синельникову-Мурьлёву, Я. Уринсону, Т. Шанину, К. Юдаевой, И. Юргенсу, Александру Николаевичу Яковлеву и многим другим – тем, кто образует мою узкую интеллектуальную среду, жизненно необходимую для творческой работы. Политиков, чиновников и бизнесменов не называю, чтобы не сказали, что подлизываюсь.

Мне очень помогли Г. Трубецкая, Н. Давиденко, И. Разумов, И. Евницкая, А. Косыгина, А. Венедиктов, И. Толмачева – спасибо им всем. А за все, что вам не понравится, отвечаю я сам.

Часть I

Теория и история

Глава 1

Зачем нам демократия

После последних президентских выборов и политических реформ, предложенных В. Путиным 13 сентября 2004 года, вопрос о судьбах демократии в России встал весьма остро.

Начало демократическим преобразованиям в нашей стране положила горбачевская перестройка. Гласность, общечеловеческие ценности и альтернативные выборы получили в России права гражданства. На широкой волне массового демократического движения был устранен коммунистический режим, просуществовавший 74 года. Потом прошли трудные рыночные реформы, развалился СССР, над страной нависала угроза сепаратизма, развивался дикий капитализм эпохи первоначального накопления капитала, предпринимались попытки стабилизации. В. Путин, сменивший Б. Ельцина на посту президента, продолжил политическую стабилизацию и как бы для ее завершения предпринял ряд мер, которые, по мнению многих экспертов, привели к свертыванию демократических свобод. Это касалось установления контроля за СМИ (прежде всего, за федеральными телеканалами), за выборами, деятельностью парламента и политических партий, за властью регионов с утверждением так называемой «вертикали власти» и, наконец, за крупным бизнесом как последним форпостом независимой общественной силы. Арест М. Ходорковского обозначил апогей этой кампании, а выборы – парламентские и президентские – подвели итог этих действий. На политической арене осталась одна сила – исполнительная власть с ее реальным главой – президентом. И вдруг, когда дело было сделано и все независимые силы в публичной сфере были поставлены под контроль, движение снизу – против монетизации льгот и против отмены отсрочек от военного призыва – показало, что происходит, когда публичной жизни нет.

1. 1. Две оценки текущего момента

Оценки этих итогов, естественно, разнятся. Победители, сторонники президента и новой партии власти «Единая Россия», утверждают, что все хорошо. Мы пользуемся достоинствами политической стабильности. Все демократические институты работают. Есть оппозиционные партии – слева и справа, хотя последние и не прошли в Думу. Но они сами виноваты, не нашли пути к сердцу избирателя. Коммунисты потеряли много голосов, но ведь нельзя бесконечно жить вчерашним днем, пора считаться с реальностью.

Есть оппозиционные газеты, в том числе принадлежащие опальным олигархам. Их читают мало, ну что ж, значит, нет спроса. Да, у Гусинского отняли НТВ, но ведь он не возвращал кредит; и вообще, телевидение должно быть свободно от влияния олигархов в еще большей степени, чем от влияния государства.

Выборы стали намного чище, сейчас уже нельзя снять кандидата за сутки до голосования. Манипулирование административным ресурсом, может быть, и есть, но давайте смотреть на вещи реалистично: разве можно *в нашей стране* столь ответственное дело пустить на самотек? Мало ли кого навьбирает наш великий, но неискушенный в предвыборной демагогии народ? (Со слов известного правозащитника С. Ковалева: «Один из критиков избирательных ограничений добрался до Администрации Президента, и там ему ответили, что он,

конечно, прав, но если бы Вешняков в 1933 году руководил выборами в Германии, то Гитлер не победил бы»¹.)

И вообще, результаты выборов отражают настроения большинства россиян. Они высоко ценят президента, доверяют ему. Разве это плохо? Россия всегда нуждалась в твердой руке. И президент использует народное доверие, проводит либеральные рыночные реформы, жизненно важные для страны. События развиваются по нормальному сценарию. Будут условия, будет и демократизация. Недовольны только проигравшие. Ну и бог с ними.

Оценки проигравших – прежде всего, правых либеральных партий – иные. Коротко их можно выразить так: демократические завоевания 90-х годов утрачены, установлен авторитарно-бюрократический режим так называемой «управляемой демократии». Мы движемся вспять, под влиянием политики властей в обществе растут консервативные, державно-националистические и популистские настроения, составляющие серьезную угрозу для цивилизованного развития страны. Поэтому необходимо решительно противостоять политике Путина. Чем дальше, тем меньше возможностей будет у оппозиции. Если все демократические силы не найдут пути к объединению и не смогут привлечь голоса демократически настроенных избирателей и в 2007 году, то сползание России к авторитаризму станет неизбежным.

Выбор первой оценки означает переход на позиции власти: можно вступать в «Единую Россию». Выбор второй оценки влечет за собой маргинализацию демократического движения, превращение его в кучку диссидентов, которых почти никто не хочет слышать, которые ни до кого не могут достучаться. И в том, и в другом случае – снижение способности демократических сил влиять на развитие событий, потеря перспектив.

Между тем именно для будущего демократии в России крайне важно как можно точнее оценить суть происходящего. Тогда можно будет верно выбрать образ действий для тех, кто все же лелеет надежду увидеть Россию демократической и процветающей страной.

1. 2. Преимущества демократии

Лично у меня есть желание во всем разобраться с самого начала. Прежде всего, что такое демократия? Правление народа? Если понимать эти слова буквально, то становится ясно, что в сложных современных обществах оно либо невозможно, либо неэффективно. Более точно с учетом имеющегося опыта можно сказать, что это способ организации управления государством, а стало быть, и применения власти, который обеспечивает реализацию воли большинства, соблюдение прав меньшинства и исключает возможность злоупотребления властью в личных интересах. Государство есть организация, обладающая правом применения насилия. Поэтому крайне важно, чтобы это право применялось под надежным контролем общества.

Антитеза демократии – диктатура, олигархия, авторитаризм, которые дают правителям, т. е. людям, имеющим доступ к средствам государственного насилия, применять их бесконтрольно, в своих интересах, в том числе для захвата и удержания власти.

Поэтому *первое, зачем нужна демократия, – недопущение применения государственного насилия в частных интересах*. Опыт нашей страны говорит о том, что нам это нужно как, наверное, никому. Деспотизм терзал нашу страну большую часть ее истории и во многом является причиной ее отсталости. Всем любителям твердой руки стоит напомнить об этом.

Второе, зачем нужна демократия, – соблюдение прав и свобод личности. Демократия – это такой порядок организации государства, который предоставляет гражданам максимум свободы и гарантирует их права. *Это порядок для свободных людей. В этом связь либе-*

¹ Независимая газета. 2003. № 41

рализма и демократии. Либерализм – идейное течение, ставящее выше других ценность свободы. Демократия – нечто иное, и порой либерализм и демократия плохо сочетаются, поскольку демократия – это в конечном счете воля большинства, а большинство далеко не всегда более всего ценит свободу. Оно может предпочесть, например, равенство и справедливость. Но демократия создает наилучшие возможности для тех, кто предпочитает свободу и гарантирует права меньшинства.

Обеспечивая свободу личности, демократия создает в конечном итоге и наилучшие условия для развития и благосостояния общества. Как говорил Дж. Локк, – точную ссылку я не нашел, – свобода на самом деле нужна немногим, но они должны обмануть остальных, убедив их, что она нужна всем. Но поскольку она – неперемненное условие творчества, а творчество – неперемненное условие развития, плодами творчества пользуются все, в конечном счете все от свободы выигрывают. И чем большую роль в приросте общественного богатства играют инновации, тем выше ценность свободы. Отсюда, кстати, следует, что сейчас, на пороге постиндустриального общества, ценность свободы и демократии возрастает как никогда ранее.

Третье, зачем нужна демократия, – она предоставляет гражданам *наилучшие возможности для защиты их основополагающих интересов.* Конечно, демократия сама по себе не дает гарантий, что будут учтены и удовлетворены интересы каждого. Для этого требуется воля и настойчивость тех, кто хочет, чтобы их интересы были приняты во внимание. Но если вы исключены из сообщества избирателей в демократической стране или же живете в стране недемократической и непричастны к кругу власть предержащих, можно не сомневаться, что вашими интересами пренебрегут. Демократия – это строй, основанный на открытом столкновении и согласовании интересов разных людей, разных социальных групп и предоставляющий каждой из них наилучшие условия для защиты ее интересов.

Четвертое, зачем нужна демократия, – *гибкость и динамичность социальной организации*, позволяющей экономике и обществу развиваться в условиях политической стабильности, без серьезных потрясений, без революций, вынуждаемых неспособностью и нежеланием правящих элит уступить власть или поделиться ею, когда их неэффективность становится очевидной для большинства.

Демократия, как и рыночная экономика, характеризуется некоторой *врожденной неопределенностью*, которая связана с известными рисками, но эти риски и являются ценой свободы, конкуренции и развития.

Вообще между рыночной экономикой и демократией есть органическая связь, обусловленная сходной гибкой сетевой структурой социальных взаимодействий в экономической и политической областях. Рыночная экономика без демократии возможна, но она будет прозябать. Теоретически возможна и демократия без рыночной экономики, но недолго и с дурными последствиями. История позитивных примеров такого рода практически не знает. Соединение же рыночной экономики и демократии органично и дает синергический эффект, ведущий к процветанию.

Сколько раз предрекали гибель капитализма и демократии, сколько раз на самом деле казалось, что очередной кризис закончится катастрофой. Но именно в силу этой неопределенности, в силу свободы, в которой происходила игра экономических и политических сил, демократия всегда выходила из кризисов и всегда побеждала в конфликтах.

Издержки демократии

У противников демократии – а среди них много могущественных людей, которым она мешает воспользоваться своим могуществом в полной мере, – всегда есть доводы, чтобы доказывать обратное.

Даже в обычной жизни каждый из нас сталкивался с ситуациями, когда, например, надо было в ходе споров разных людей прийти к согласию и это никак не получалось в силу, например, противоречий их интересов. И тогда приходила мысль: ну его к черту, пусть лучше кто-то один примет решение за всех и покончит с этим занудством. Или: пусть все действуют как хотят, а там посмотрим.

В других случаях согласию препятствуют не только различия интересов, но и невежество, предрассудки, эмоции. Бывает, какой-то красноречивый увлекает демагогией участников собрания, и они перестают руководствоваться рациональными доводами.

Таким образом, не факт, что согласованное решение будет наилучшим. Зачастую оптимальным оказывается решение авторитетного специалиста (профессионала, технократа). То есть демократическому по процедуре решению противостоит то, что я назвал бы *преимуществом технократии*. Очевидно, в определенных случаях целесообразны не коллективные, а единоличные решения умного и авторитетного профессионала или группы экспертов.

Точно так же не только при неосведомленности заинтересованных сторон, но и в случае столкновения их интересов зачастую наиболее эффективна единая воля к достижению той или иной цели. Для этого кто-то наделяется правом принуждения, устанавливается подчинение, субординация. Я назвал бы это *преимуществом единоначалия*, однозначно признаваемого, например, в армии. Также можно считать это преимуществом бюрократии.

Сторонники третьей группы доводов против демократии признают ее достоинства, но утверждают, что воспользоваться ими можно только в том случае, если члены общества обладают необходимыми свойствами, в частности, такими, как образованность, рациональность, терпимость, ответственность, готовность считаться с интересами и мнениями других сограждан. Словом, утверждают, что *для демократии нужно зрелое гражданское общество*. Если же его нет, то от нее будет больше вреда, чем пользы. Люди должны созреть. В той или иной мере эти доводы справедливы. Вопрос в том, как они будут зреть – под опекой монархии или бюрократии?

И все же имеется множество аргументов, позволяющих понять, что справедливость приведенных выше доводов против демократии относительна, а ценность демократической организации общества, несмотря на многочисленные изъяны, абсолютна. Тем более что в социальной практике вырабатываются формы демократии, позволяющие сводить ее минусы к минимуму и использовать в ее рамках достоинства технократии и бюрократии. Недаром У. Черчилль говорил, что демократия – очень плохая система, но она лучше всех остальных. Сегодня это утверждение еще более справедливо, чем во времена великого британца.

1. 3. Трудности перехода

Последний из приведенных выше аргументов против демократии особенно часто выдвигается в связи с развивающимися странами, еще только переходящими к демократическому обществу. Наиболее популярен так называемый «тезис Ли» (по имени Ли Куан Ю, бывшего премьер-министра Сингапура, приведшего, кстати, свою страну к процветанию). Суть его состоит в том, что демократические права и свободы тормозят экономический рост и развитие.

Амартия Сен в этой связи замечает: «Мы не можем принять высокий экономический рост в Китае или Южной Корее за неоспоримое доказательство большей эффективности авторитарного режима в обеспечении экономического роста точно так же, как мы не можем сделать противоположный вывод, исходя из того факта, что самая быстроразвивающаяся африканская страна (и одна из самых быстроразвивающихся в мире), а именно Ботсвана, является оазисом демократии на беспокойном африканском континенте» (Сен 2004: 173). Ниже мы вернемся к обсуждению этой проблемы, но здесь все же замечу, что у тезиса Ли

есть много поклонников и их доводы часто выглядят весьма убедительно, особенно если речь идет о странах, осуществляющих переход от аграрного общества к индустриальному, реализующих модель догоняющего развития на основе индустриализации. Но если, скажем, страна прошла этот этап и уже, подобно Германии после Второй мировой войны или России после 1991 года, является индустриальной и урбанизированной, как по отношению к ней смотрится «тезис Ли»?

Другая проблема демократии в развивающихся странах – опасность ее легкого превращения в диктатуру. С одной стороны, для бедняков, составляющих подавляющее большинство населения развивающихся стран, средства пропитания важнее гражданских прав, и они вряд ли будут отстаивать свои свободы. С другой, предоставление прав и свобод массам бедняков, не приученных социальной практикой к ответственному поведению, будет приводить только к череде беспорядков, к появлению на политической арене ловких демагогов, которые, пользуясь демократией, способны внушить людям убеждение в том, что порядок важнее свобод и именно он, лидер имярек, может спасти свою страну от хаоса. В итоге такой лидер получает власть в результате свободных выборов, чтобы уже никогда с ней не расставаться. Это более чем серьезная проблема. Пример А. Лукашенко в Беларуси – один из многих, до него именно таким образом пришли к власти Луи Наполеон, Б. Муссолини, А. Гитлер и многие другие диктаторы. Ленина и Сталина я не ставлю в этот ряд только потому, что они получили власть благодаря революции, а не выборов, т. е. не демократическим путем.

Таким образом, важность наличия у населения демократического опыта не может вызвать сомнений, а период неустойчивости и многообразных негативных инцидентов, вызывающих критическое отношение к демократическим процедурам, видимо, можно считать закономерностью при переходе к демократии.

Урок для сторонников демократии: Карл Люгер – мэр Вены 1895 года:

Эту поучительную историю напоминает нам Фарид Закария, индийский мусульманин из Бомбея, видный американский политолог, главный редактор журнала *Newsweek International*.

В марте 1895 года Вена избрала своим мэром ультранационалиста Карла Люгера, который сравнивал евреев с саранчой и призывал смешать их с землей в качестве удобрения. Император Франц-Иосиф пошел на беспрецедентный шаг – он отказался утвердить полномочия Люгера на том основании, что его избрание создает угрозу гражданским свободам. Через 38 лет в Германии такого императора не оказалось, и Гитлер, бывший свидетелем успеха Люгера, стал фюрером германской нации. К устойчивой либеральной демократии континентальная Европа смогла перейти лишь после Второй мировой войны, и то не сразу.

Ф. Закария отмечает, что Люгер появился вследствие развития демократии в Австрии: «В 1860—1870 годы в стране голосовали только богачи и образованный средний класс, причем их высшими целями были свобода слова, конституционализм и экономический либерализм. Слава Вены как центра космополитизма и прогресса проистекала из ограничения права на участие в выборах. В 1880—1890-х годах состав электората был расширен (причем, по иронии судьбы, именно по настоянию либералов), что позволило принимать участие в голосовании большинству взрослых мужчин: и атмосфера в стране быстро изменилась. Рабочие и крестьяне, недавно получившие политические права, не были заинтересованы в гражданских реформах, к которым призывала буржуазия. Они легко поддались пламенной риторике социалистов (взывавших к рабочим) и ультранационалистов (адресовавшихся к крестьянам). Люгер блестящим образом сконструировал программу, объединявшую националистические и коммунистические призывы...» (Закария 2004: 52—53).

Этот случай может и сейчас послужить важным уроком: более чем через 100 лет в России снова складывается подобная обстановка. У нас уже давно действует всеобщее избира-

тельное право, и расширение электората не может стать причиной событий, подобных событиям в Вене 1895 года, но активизация масс, побуждаемых бедностью, несправедливостью, игрой политиканов на мифах и предрассудках, может еще сыграть злую шутку с теми, кто борется за свободу и демократию.

Возможность миновать подобные препятствия целиком зависит от поведения элиты, ее способности придерживаться установленных правил и поддерживать их. Если целью элиты действительно является демократия, любые массовые беспорядки, вызванные сложностями перехода, можно погасить. Но если те или иные группы в элите сами будут провоцировать подобные инциденты, чтобы использовать их в своих интересах, тогда трудности на пути к демократии могут стать непреодолимыми.

Смена власти

Самая большая трудность – это процедура смены власти. Даже когда демократия устоит, смена власти будет происходить непросто. И все же в этом случае заранее известно, что и как будет происходить; приходя во власть, люди знают свои полномочия и то, когда и как они должны будут с ними расстаться.

Но переход к демократическим порядкам, особенно в странах с архаичной авторитарной культурой, происходит из состояния, когда нормой считается принципиально иная модель распоряжения властью: держаться за нее любыми способами, заранее удалять с поля всех потенциальных претендентов, чтобы нынешнему правителю не было альтернативы. Использовать власть для обогащения себя и своего окружения, что особенно усложняет расставание с властью, ибо в этом случае ты попадаешь под угрозу уголовного преследования. Это средневековая традиция, воплощенная в идее монархии. В новое время она чаще реализовалась в диктаторских режимах в Европе, Азии, Латинской Америке, да, собственно, повсюду, где не сложилась устойчивая демократия.

Возьмем просторы СНГ. Даже если не говорить о бывших среднеазиатских республиках, перед нами возникает пример Беларуси А. Лукашенко – несомненно, европейской страны с отвратительной диктатурой, не считающейся ни с какими приличиями.

В России один раз уже была более или менее демократическая смена власти: в 1991 году она перешла к Б. Ельцину, законно избранному Президенту РСФСР, да и то это произошло в обстановке революции, которая закончилась вооруженным конфликтом октября 1993 года. Потом же у самого Ельцина возник предлог удерживать власть, чтобы она не вернулась к коммунистам, и для этого была изобретена «управляемая демократия»; ее управляемость все время усиливалась.

В этом смысле Украина являет собой некоторое исключение – благодаря тому что в силу различий между западной и восточной частями страны там оказывается возможной политическая конкуренция, выдвижение двух кандидатов в президенты с примерно равной электоральной базой. Так было в 1994 году, когда, опираясь на русскоязычный юго-восток, Л. Кучма победил Л. Кравчука. Через десять лет ситуация повторилась. Правда, власть, опираясь на Россию, попыталась сфальсифицировать результаты выборов, использовать, если хотите, русский вариант управляемой демократии. И это при том, что персональная замена первого лица была предreshена. Но оппозиция во главе с В. Ющенко смогла противостоять этой фальсификации.

Для нас здесь важен следующий факт: в переходный период правителю и поддерживающей его элите чрезвычайно трудно расстаться с властью, и для того, чтобы удержать ее, они готовы идти и на фальсификацию, и даже на силовые акции. Противопоставить им веру в принципы демократии недостаточно – для этого нужна реальная политическая сила, способная мобилизовать значительную часть населения страны.

Смена модели распоряжения властью, замена архаичного авторитарного режима демократической процедурой составляет, таким образом, самый трудный момент перехода к демократии. Ясно, что в процессе перехода издержки демократии особенно велики, тем более в бедной стране, когда на стороне противников демократической системы такие сильные аргументы, как порядок, единство и эффективность.

Глава 2

Теория демократии: равновесие, согласие, авторитет

2. 1. Теория всеобщего блага

И все же сказанное выше слишком важно, чтобы ограничиться кратким, декларативным изложением преимуществ демократии. Литература, в которой с разных сторон обсуждаются плюсы и минусы демократической системы, огромна, а первые тексты, посвященные ей, принадлежали еще Платону и Аристотелю или – в Новое время – Монтескье и Руссо. Я попытаюсь воспроизвести здесь логику развития идей в этой области, которую использовал Й. Шумпетер, один из крупнейших экономистов XX века, начиная с его знаменитой работы «Капитализм, социализм и демократия» (1943; см.: Шумпетер 1995).

Общественный договор

Шумпетер начинает с классической теории XVIII века, которая основывается на постулате всеобщего блага – блага, по поводу которого может быть достигнуто согласие всего народа, если всем членам общества будут предъявлены рациональные доводы соответствующей общей выгоды. Разногласия могут касаться только мнений относительно путей и сроков движения к общему благу; в их обсуждении учитываются аргументы специалистов, но принципиальные вопросы решаются всеми. Институты и учреждения выстроены таким образом, чтобы содействовать достижению общего блага.

Теория равновесия в экономике

В конце XIX века благодаря трудам Л. Вальраса и А. Маршалла, а также многих других ученых возникла теория равновесия, составившая фундамент современной экономической науки. В ней, по сути, воспроизводится идея всеобщего блага. Пожалуй, лучше всего она была выражена в так называемом оптимуме Парето. Итальянский экономист Вильфредо Парето предложил считать оптимальным такое состояние экономики, в котором при данных ресурсах положение любого субъекта может быть далее улучшено только за счет ухудшения в положении кого-то другого. То есть равновесие в данном случае – ситуация, когда возможности увеличения общего блага исчерпаны. Отчасти эта прозрачная и логичная модель мира возникла, видимо, как реакция на жесткость теории Маркса, построенной на идее классовой борьбы. Теория равновесия гласила: счастье возможно и без постоянных драк.

В 1960–1970-е годы у нас на основе идей нобелевского лауреата Л. В. Канторовича и В. В. Новожилова была разработана теория оптимального планирования, предмет моего и многих моих коллег горячего увлечения. Суть ее состояла в следующем: если есть критерий оптимальности, то существует такая процедура, которая позволяет определить наилучшее с точки зрения этого критерия распределение ресурсов и цены товаров, уравнивающие спрос и предложение. Иначе говоря, получить оптимальный план и цены, стимулирующие его выполнение. Ясно, насколько это было важно для планового хозяйства. Но беда в том, что критерий оптимальности, очень близкий по смыслу к оптимуму Парето, т. е. к функции общего блага, никак не удавалось сконструировать. И пока одни продолжали корпеть над этой безнадежной задачей, другие пришли к мысли, что нужно не конструировать этот критерий, а просто вернуться к рыночному механизму, толкающему экономику к оптимальному состоянию, равновесию (хотя никогда и не достигаемому до конца) самостоятельно.

2. 2. Политическая конкуренция

Критикуя концепцию всеобщего блага за ее нереалистичность, в том числе за нереалистичность представления о рациональности поведения индивидов и их склонности поддаваться стадным инстинктам, Шумпетер выдвигает другую теорию – теорию демократии как системы институтов, создающей условия «борьбы за политическое лидерство» (Шумпетер 1995: 354). Он так поясняет свою идею: классическая теория демократии предполагает, что у народа есть определенное и рациональное мнение по всем вопросам и что он выбирает представителей для того, чтобы исполнить его волю. Попробуем перевернуть ситуацию: народ выбирает представителей, которые предлагают определенные решения общественных вопросов. Кого выберут, тот и будет реализовывать свои предложения. Таким образом, роль народа состоит в избрании представителей, образующих орган общественного управления. А претенденты на роль представителей должны доказывать в конкурентной борьбе свое право на управление от имени народа. Борьба подчиняется правилам, предоставляющим равные возможности претендентам и исключаящим насилие.

Такой подход дает четкий критерий для различения демократической и недемократической систем. Если брать критерий максимума всеобщего блага, мы сталкиваемся с множеством исторических примеров, когда свободе и всеобщему благу народа служили режимы, которые никак нельзя считать демократическими. Зато с уверенностью можно сказать: если народ свободно избирает своих представителей во власть, а последние избираются в конкурентной борьбе – это демократия.

Демократия и равенство

Такое определение позволяет провести грань между демократией и равенством. Это очень важно, ибо существует распространенное представление, что равенство – необходимый атрибут демократии, причем с точки зрения распределения благ и собственности. Демократия – это якобы власть бедных в отличие от аристократии или олигархии – власти высококородных или богатых.

На деле с точки зрения реалий современного мира равенство в указанном смысле не является непременным атрибутом демократии. Последняя обеспечивает равенство граждан по крайней мере в одном – избирать и быть избранным. Более того, при таком понимании демократии естественной является необходимость формирования групп для продвижения тех или иных интересов и идей, а следом – выдвижения лидеров.

Теоретико-игровой подход

Вскоре после выхода вышеупомянутой книги Шумпетера была издана работа Дж. фон Неймана и О. Моргенштерна «Теория игр и экономическое поведение», давшая его идее адекватный математический аппарат, подобно тому как Вальрас создал аппарат моделирования для идеи всеобщего блага. В рамках теории игр все социальные взаимодействия, в том числе политические, являются взаимообусловленными: индивидуальные решения принимаются под влиянием уже состоявшихся или ожидаемых решений других субъектов – участников взаимодействия.

Общество в рамках политической игры рисуется следующим образом. Множество индивидов, занимающих разное положение и придерживающихся разных взглядов, объединяются в группы, условно говоря, партии, в соответствии с их интересами и убеждениями – действовать поодиночке чаще всего бессмысленно. Партии борются за власть, т. е. за право управлять общественными делами. Для игры предлагаются согласованные правила –

конституция и избирательные законы. Правила игры в демократию предполагают по крайней мере следующие три положения: 1) соблюдаются принятые права граждан, в том числе право избирать и быть избранным; 2) власть находится в руках партии, получившей на выборах большинство, ее лидер возглавляет правительство в течение установленного срока; 3) по истечении этого срока проводятся выборы, в которых партии, включая партию власти, борются за доверие избирателей.

В ходе игры игроки анализируют последствия тех или иных своих действий и действий партнеров, используя ценности и вероятности. Они могут нарушать правила, за что подвергаются санкциям, если только не предпримут действия, позволяющие их избежать.

Анализ игры в нашем случае должен ответить на два вопроса: 1) каковы выгоды от демократии? 2) содержит ли демократия в себе механизмы, обеспечивающие ее устойчивость или равновесие; может ли она в принципе функционировать как политическая система без некоторой посторонней силы, арбитра? Или все же держится на некоем соглашении, за исполнением которого следит арбитр, обладающий правом налагать санкции?

Пример 1: гражданское правительство и военные

Для ответа на первый вопрос можно использовать пример, приводимый А. Пшеворским (Пшеворский 1999: 41—42). Гражданское правительство опасается военного переворота в случае проведения военной реформы. Оно анализирует альтернативы: проводим военную реформу – вероятность переворота высока, значимость последствий (цена стратегии) также высока – подрыв демократического порядка и законности, период нестабильности, падение уровня доверия в обществе, насилие. Членам правительства грозят казни или заключение. Решают: не проводить реформу или проводить в таких масштабах, чтобы не вызвать негативной реакции военных.

Военные знают о намерениях правительства и анализируют свои альтернативы: если правительство предпримет реформу, то переворот с высокой вероятностью вызовет отпор со стороны общества, так как правительство пользуется его поддержкой. В случае неудачи последуют аресты и лишение званий. Кроме того, военные считают демократический порядок важной ценностью и готовы нарушить его только в крайнем случае. При таких условиях они решают не идти на переворот. Все остается как было.

Понятно, что при иных условиях и решения могут быть иными. При низкой вероятности переворота и уверенности в поддержке общества правительство пойдет на реформу. Если же общественная поддержка правительства невелика, а военные уже не раз нарушали конституцию, переворот может последовать даже при самой робкой попытке реформ.

Каждая из сторон знает, что, если она будет действовать в рамках правил, риски будут невелики, а в следующем избирательном цикле можно добиваться своих целей: правительственной партии – настаивать на военной реформе, включив ее в предвыборную платформу, военным – через другую партию – добиваться отказа от реформы или изменения ее условий. Тем самым повышается стабильность общества, предсказуемость событий и действий разных игроков.

Равновесие при демократии спонтанно

Тот же пример позволяет подойти к ответу и на второй вопрос. При соблюдении правил игры, т. е. демократических процедур, действуют силы, приводящие к равновесию: *никто из игроков не может увеличить свой выигрыш в одностороннем порядке* (равновесие по Нэшу²). Или иначе: никто не хочет выбрать другой план действий, принимая во внимание то,

² Дж. Нэш – тот самый сумасшедший гений, которого Р. Кроу играл в известном фильме «Игры разума». История Нэша

как в ответ будут действовать другие. *Равновесие может достигаться спонтанно, наличие арбитра необязательно.* Этот вывод, который позволяет сделать теоретико-игровой подход, является для нас ключевым.

Пример 2: согласие дополняет равновесие

Другой пример от Пшеворского. В выборах участвуют две партии – правая и левая. Они договариваются между собой честно вести предвыборную борьбу. Каждому в отдельности выгодно нарушить эти договоренности только в том случае, если другой останется им верен: нарушение договоренности будет вызывать ответные нарушения. В итоге оказывается, что нечестные приемы выгодно применять только до той поры, пока ущерб от ответных действий противника не сравняется с выгодой от собственной нечестности. Нужно еще учесть, что и сам избиратель начнет реагировать на чрезмерную нечистоплотность политиков. Точка равновесия уже не будет совпадать с точкой договоренности, но останется недалеко от нее. И вот механизм саморегулирования сработал, выборы признаны состоявшимися. *Достигнутое согласие было реализовано, поскольку опиралось на равновесие.*

Шумпетер о политической конкуренции:

«В экономической жизни конкуренция никогда полностью не отсутствует, но едва ли когда-либо существует в совершенном виде. Точно так же в политической среде постоянно идет борьба, хотя, возможно, лишь потенциальная, за лояльность избирателей. Объяснить это можно тем, что демократия использует некий признанный метод ведения конкурентной борьбы, а система выборов – практически единственно возможный способ борьбы за лидерство для общества любого размера. Хотя это и исключает многие из способов обеспечения лидерства, которые и следует исключить, например, борьбу за власть путем вооруженного восстания; это не исключает случаев весьма похожих на „несправедливую“ или „мошенническую“ конкуренцию или ограничение конкуренции. Исключить их мы не можем, поскольку если бы мы это сделали, то остались бы с неким весьма далеким от реальности идеалом. Между этим идеальным случаем и случаем, когда любая конкуренция с существующим лидером предотвращается силой, существует непрерывный ряд вариантов, в пределах которого демократический метод правления незаметно, мельчайшими шагами, переходит в автократический. Но если мы стремимся к пониманию, а не к философствованию, это так и должно быть» (Шумпетер 1995: 356—357).

Можно попытаться повысить эффективность механизма саморегулирования и ввести арбитра наподобие нашего Центризбиркома во главе с А. Вешняковым, который налагал бы на нарушителей санкции. Но кто даст гарантию его объективности? Третья сторона – угроза демократии со стороны государства, ибо именно государственные институты берут на себя роль такого арбитра (явно или тайно), однако, так как у власти всегда находится одна из партий, эти институты редко могут быть объективными. Разве что в ситуации, когда само государство находится под контролем политически организованного гражданского общества.

Поэтому А. Пшеворский отмечает *предпочтительность децентрализованного наблюдения* за любым подобным соглашением – наблюдения посредством «достаточного количества действующих сил», применяющих санкции за его корыстные нарушения, чтобы поддерживать общий результат, сократив меру нечестности. Речь идет о наблюдателях от различных партий и гражданских организаций, а также о свободных СМИ (Пшеворский 1999: 42—44).

Таким образом, согласие само по себе, фиксируемое теми или иными договорами, включая конституции, если их соблюдение контролируется извне, не только не гарантирует

там рассказана близко к реальности. Равновесие, по Нэшу, на языке теории игр похоже на оптимум Парето на языке теории равновесия.

эффективного функционирования демократической системы, но и составило бы угрозу для нее, если бы не поддерживалось механизмами саморегулирования, работающими от корыстных побуждений сторон, учитывающих потенциальные действия своих конкурентов и партнеров. И напротив, как раз такие механизмы делают соглашения возможными и устойчивыми.

Гэри Беккер: самоуправление минимизирует политическое давление

Нередко достоинства демократии ставятся под сомнение в связи с тем, что она предполагает открытую борьбу политических партий или групп влияния. Шумпетер, который полагал неизбежной смену капитализма социализмом, считал, что при последнем влияние частных интересов понизится. Г. Беккер, классический представитель экономического подхода к анализу политики, приходит к противоположному выводу: «При социализме преследующие собственные интересы группы давления, такие, как рабочие, менеджеры, интеллектуалы и др., должны проявлять гораздо большую, а не меньшую активность, чем при капитализме (хотя конечно же в коммунистических странах она будет естественно пресекаться), потому что при социализме под контролем государства находится намного большая, чем при капитализме, доля ресурсов (Беккер 2003: 355). Добавим к сказанному, что, хотя при советской власти была только одна партия, группы давления действовали всегда и в нарастающих масштабах: бюрократия, теневая экономика, АПК и ВПК – вот наиболее могущественные группы интересов, чья «междоусобная» борьба и привела советский коммунизм к краху. А противодействующей им силы – открытой политической конкуренции – не было.

Борьба групп интересов в обществе существует всегда, при демократии их публичное столкновение может казаться более острым, но открыто проявленное, оно обычно происходит в рамках закона: демократические процедуры не допускают потрясений, способствуют компромиссам. Возьмем недавний пример США: на выборах 2004 года республиканец Дж. Буш-младший с небольшим перевесом победил демократа Дж. Керри. Нанятые толпы адвокатов подготовились к тяжбам по поводу нарушений, но Керри признал свое поражение, поздравил конкурента с победой и сказал, что готов работать с ним на благо Америки.

Почти в то же самое время в Украине в аналогичной ситуации кандидат в президенты В. Ющенко поднимает массы сторонников на манифестации в уверенности, что его противники, располагая рычагами власти, исказили результаты выборов в свою пользу. В стране растет напряжение, колонны людей из западных и восточных регионов идут на Киев. Спецназ со щитами стягивается к резиденции президента. Смена власти идет с трудом, под угрозой кровавых столкновений.

При социализме и в переходный – на пути к демократии – период общественная активность либо ниже (по Шумпетеру), либо выплескивается на поверхность из-за недоверия сторон к тому, что оппоненты будут соблюдать правила, и приобретает беспорядочный характер, чреватый различными потрясениями.

«Парадокс Эрроу» и как его решает демократия

Известный американский экономист К. Эрроу показал в свое время, что достичь согласования противоречивых интересов различных субъектов невозможно без участия арбитра или диктатора (Arrow 1951). Точнее, он утверждал, что максимум общего блага невозможно выявить каким-либо способом соединения индивидуальных предпочтений. Марксисты обрадовались, усмотрев в этом парадоксе, «парадоксе Эрроу», доказательства неизбежности диктатуры в разделенном на классы обществе – хотя бы и диктатуры большинства. Это если исходить из предположения о том, что интересы и предпочтения – экзогенные пере-

менные для процедуры их соединения. Но такое предположение нельзя обосновать. Скорее интересы и предпочтения также являются продуктами демократического процесса. Верно, что процессы обсуждения и голосования необязательно завершаются достижением согласия – вполне вероятно, наоборот, более глубокое осознание и обострение противоречий. Но, во-первых, голосование дает решение – хотя и неудовлетворительное для меньшинства. Во-вторых, демократия подразумевает, что в следующий раз это голосование может привести к другому результату, что на следующих выборах может выиграть нынешнее меньшинство. «Демократические институты общества придают политическим конфликтам невременной характер. Они открывают перед политическими деятелями перспективы далекого будущего. Политические силы примиряются с поражениями на сегодняшний момент, потому что они верят, что институциональная структура, регламентирующая демократическую борьбу, позволяет им достичь своих интересов в будущем» (Пшеворский 1999: 38—39).

Подведем итог. В демократической системе существуют встроенные механизмы регулирования, основанные на политической конкуренции и создающие тягу к равновесию. Согласие как результат процесса переговоров необязательно. Привлечение внешних арбитров, действующих помимо институтов гражданского общества, допустимо, но нежелательно, ибо чревато авторитаризмом, возвышением государства над обществом. А это влечет за собой ослабление механизмов саморегулирования.

Глава 3

Какая демократия

3. 1. Минимальный набор: семь признаков демократии

Выше мы пытались привести теоретические доводы в пользу Демократии. Существенный вопрос, однако, состоит в том, какими конкретными механизмами обеспечиваются ее достоинства. Ясно, что эти механизмы могут быть разными, соответственно могут различаться и степени развития, зрелости демократии. Составим некоторый минимальный набор институтов, при нормальном функционировании которых можно говорить, что в данной стране есть демократия:

1) выборность должностных лиц: люди, уполномоченные принимать властные решения и применять государственное насилие, должны избираться гражданами;

2) сменяемость властей: свободные, честные, часто проводимые выборы;

3) разделение властей: исполнительная, законодательная и судебная власти разделены и независимы друг от друга. Это предупреждает возможность узурпации власти, создает систему сдержек и противовесов и обеспечивает контроль общества за деятельностью государства;

4) свобода слова и информации: все граждане имеют право выражать свои взгляды, критиковать деятельность должностных лиц и получать любую информацию, необходимую для их компетентного суждения об общественных делах. Для этого должны существовать независимые от власти средства массовой информации;

5) свобода ассоциаций: граждане имеют право свободно объединяться в различные ассоциации, в том числе в политические партии, ставящие перед собой задачу победы на выборах и, таким образом, завоевания власти. Именно ассоциации граждан, а не властные учреждения должны формировать предлагаемые избирателям политические программы, чтобы реализовать их в случае прихода к власти;

6) всеобщие гражданские права: все совершеннолетние граждане должны обладать равными правами, обеспечивающими их участие в функционировании перечисленных выше политических институтов;

7) свобода предпринимательства и право собственности – правовой фундамент рыночной экономики.

В основе демократии конечно же лежат выборы, однако далеко не только они необходимы для ее существования. Демократию, которой присущ только один из ее элементов – выборы, подвергает убедительной критике Ф. Закария. Ссылаясь, в частности, на пример с выборами К. Люгера, который я привел в главе 1, он показывает, как не подкрепленная другими институтами выборная демократия приводит к негативным последствиям. Такому «плоскому» пониманию демократии Закария противопоставляет «конституционный либерализм», который предполагает весь перечисленный выше «пучок» свобод и институтов, гарантированный верховенством закона. Политические системы в США и Западной Европе он называет «либеральной демократией», поскольку они основаны на конституционном либерализме. Тем самым Закария хочет подчеркнуть, что защищенные законом свободы важнее демократии как таковой. Другие режимы, где власть легитимизируется выборами, но «пучок» свобод и институтов конституционного либерализма отсутствует, он называет «нелиберальными демократиями» (Закария 2004: 6).

Я сам считаю демократической ту страну, где приведенный выше набор свобод и институтов существует целиком, без единого исключения. Ни один из этих элементов по

отдельности или в комбинации с несколькими другими не является признаком демократии. Конечно, совершенных институтов не бывает, однако если все они – все семь – действуют в подавляющем большинстве случаев, и действуют не формально, а на самом деле, мы можем говорить о существовании демократии. Именно такой смысл я буду вкладывать в это слово на протяжении всей книги.

3. 2. Формы правления

Слабое государство, хаос

Теперь – о различных уровнях развития демократии. Прежде всего о том, что лежит за ее пределами. В первую очередь, это *хаос*: слабое государство, неспособное поддерживать законный порядок каким-либо способом, господство права сильного.

Насилие и внутри сообщества, и, в случае войны, за его пределами в течение многих веков было главным фактором социальной организации. Собственно, связанные с этим негативные обстоятельства и привели к созданию институтов государства и законности, которую это государство обязано было поддерживать. И всякий раз, когда оно переставало справляться со своими обязанностями, в обществе воцарялось насилие – произвол сильных и угнетение слабых.

Авторитарные системы

Во всех типах социальной организации, предполагающих государство, общество передает ему право применения насилия как инструмента поддержания порядка. Самодержавная монархия, олигархия как власть немногих, авторитаризм как признаваемый обществом авторитет лидера – все это варианты недемократической, но легитимной, т. е. всеми признаваемой, социальной организации. Диктатура, тоталитарный режим, даже если диктатор получил власть законно, на выборах, – варианты недемократической и нелегитимной социальной организации, в которой насилие используется не только как инструмент поддержания законного порядка, но и для удержания власти в руках определенных лиц и групп вопреки воле большинства. Этих определений я буду придерживаться и дальше.

Демократия участия и гражданское общество

На другом конце шкалы типов социальной организации лежит то, что в современной политической теории называют «демократией участия» (Коэн, Арато 2003: 24).

По сути, речь идет об обществе граждан, каждый из которых достаточно компетентен и информирован в общественных делах, чтобы принимать в них активное участие. Р. Даль называет пять критериев демократического процесса (Даль 2000: 41—42):

- эффективное участие: все члены сообщества имеют равные и действенные возможности для изложения своих взглядов в процессе выработки решений, касающихся общественных дел;
- равное голосование: все члены сообщества имеют равные и действенные возможности голосовать при принятии решений;
- понимание, основанное на информированности: каждый член сообщества получает информацию для понимания сути вопросов, по которым принимается решение;
- контроль за повесткой дня: члены сообщества влияют на принятие решений относительно того, какие вопросы и в каком порядке будут обсуждаться и голосоваться. Тем самым

исключается контроль какого-либо исполнительного органа за кругом вопросов, подлежащих обсуждению, а политика сообщества всегда остается открытой для перемен;

- включенность в жизнь общества: все совершеннолетние и дееспособные граждане имеют возможность участвовать в управлении общественными делами; чтобы защищать собственные интересы, группа граждан не может без ущерба для себя передать другой группе власть над собой. Опыт показывает, что свои интересы можно понимать неадекватно, что другие могут поступить за вас разумнее. Но, передавая власть другим, вы лишаетесь возможности действовать, когда вы придете к адекватному пониманию собственного блага (Даль 2000: 77). Отсюда возникают и определенные обязанности личности относительно участия в общественных делах.

Пользуясь правами и свободами, гражданин обязан также считаться с правами и свободами других. Свобода личности в этом смысле сопряжена с социальной ответственностью, включает ее как необходимый элемент и тем отличается от вседозволенности или вольности в традиционном русском понимании этих слов (Лапин 2002: 39). Поэтому в обществе граждан, или гражданском обществе, а именно о нем идет речь, естественны повсеместные проявления солидарности и доверия – порой даже в большей степени, чем в обществах поданных, пронизанных отношениями подчинения и господства.

Выше изложено идеализированное, нормативное представление о демократии участия и гражданском обществе, которые, как мы видим, тесно связаны между собой. Демократия участия возможна только в развитом гражданском обществе, развитость гражданского общества проявляется в той мере, в какой реализуется демократия участия.

Элитарная демократия

Ясно, что в жизни подобный идеал демократии участия не реализуется практически нигде. Может быть, ближе всего к нему Скандинавские страны, Нидерланды, Швейцария, а в прошлом – полисы Древней Греции. Но в той или иной мере элементы демократии участия присущи всем демократическим странам, и тогда, когда это вызывается необходимостью, граждане активизируются, мера их участия в управлении государством возрастает. А демократические институты способствуют или, во всяком случае, не препятствуют этому. Тем не менее демократия участия не является распространенной, повседневно применяемой формой демократии. Большинство граждан обычно склонно к пассивности, аполитично, ограничивает свое общение семейным, производственным, соседским кругом, кругом друзей, близких по духу и нравам.

На другом конце спектра форм демократии стоит *элитарная демократия*. Суть ее в том, что она принимает и использует нежелание большинства граждан систематически участвовать в общественных делах, поддерживать необходимую для этого собственную информированность, исполнять гражданские обязанности. Более того, исходя из представления о некомпетентности большинства, его склонности к эмоциям, подверженности манипуляциям демагогов и, как следствие, высокой вероятности неэффективности его решений, элитарная демократия считает предпочтительным ограждать управление государством от чрезмерного участия населения. Обычно управление общественными делами отдается *элите* (в данном случае имеется в виду политическая элита), в идеале – сообществу наиболее компетентных, одаренных и в то же время достаточно терпимых, готовых к сотрудничеству и компромиссам людей (меритократия). Принадлежность к элите – наиболее сложный вопрос, который мы обсудим позднее, но здесь важны два обстоятельства:

- элита способна управлять лучше, кроме особых случаев, когда для реализации решений нужны общественное согласие и поддержка;

- элита не олигархия, потому что ее формирование и обновление осуществляется на основе демократических институтов и процедур, а именно: выборности основных представителей всех властей при всеобщем, равном и тайном голосовании; регулярности выборов; разделения властей; свободы слова и информации; свободы ассоциаций, включая политические партии; политической конкуренции. Участие большинства граждан в управлении сводится к выбору программы и партии, ее представляющей, с последующей оценкой исполнения.

Нетрудно видеть, что этот перечень практически совпадает с минимальным набором признаков демократии. А значит, мы можем расположить элитарную демократию на нижней границе шкалы демократических форм правления. Важно, однако, еще раз подчеркнуть, что если все входящие в перечень институты функционируют нормально и вызывают доверие граждан, такая форма демократии дает им возможность при необходимости и желании повышать степень своего участия в общественных делах, не вызывая каких-либо политических потрясений. Более того, в той или иной мере гражданское участие всегда присутствует в жизни общества, в том числе в виде деятельности так называемых институтов гражданского общества, неправительственных некоммерческих организаций (НКО).

Можно утверждать, что сегодня в подавляющем большинстве демократических стран преобладает именно модель элитарной демократии. Их часто критикуют, обвиняя в отсутствии подлинной демократии и находя в них предпосылки для отчуждения между государством и обществом. Тем не менее, как показывает опыт, в элитарной демократии демократические институты действительно функционируют, обеспечивая права и свободы граждан, гибкое и динамичное, но в то же время стабильное развитие, позволяющее быстро реализовывать нововведения и вместе с тем избегать серьезных катаклизмов. Такая система не допускает чрезмерного влияния некомпетентных масс на повседневное ведение общественных дел, соединяя достоинства технократии и демократии.

Дебаты об элитарной демократии и демократии участия:

Провести границу между элитарной демократией и демократией участия крайне важно, чтобы не впасть в «демократический фундаментализм», остаться на почве реальности, в том числе и при оценке наших отечественных проблем. Поэтому я приведу основные тезисы дебатов на эту тему в изложении Дж. Коэн и Э. Арато, авторов книги «Гражданское общество и политическая теория».

«Не будет преувеличением сказать, что дебаты между моделями элитарной демократии и демократии участия двигались по замкнутому кругу с 1942 года, когда Шумпетер бросил перчатку сторонникам нормативного подхода... Элитарная модель демократии выступает с притязаниями на реалистичность, описательность, эмпирическую точность, заявляя о себе как о единственной модели, соответствующей современным социальным условиям.

Данный подход, не допускающий ни малейших утопических иллюзий относительно возможности навсегда избавиться от феномена власти или от разделения на правителей и управляемых, полагает, что обойтись без того и другого не в силах никакое общество, а современное общество и подавно.

Демократические общества отличаются от недемократических теми способами, с помощью которых обретается власть и принимаются решения: пока соблюдаются основные гражданские права и на основе всеобщего избирательного права регулярно проводятся конкурентные выборы, пока смена власти принимается элитами и проходит гладко, без насилия или нарушения преимущества институтов – до тех пор государственное устройство может считаться демократическим.

Голосующие – это потребители, а партии – предприниматели, предлагающие на выбор альтернативные пакеты решений или персонал; именно они формируют спрос, оставляя

потребителю лишь одно суверенное право – выступать в качестве избирателей, сказать „да“ или „нет“ по поводу того, кому из заранее отобранных кандидатов подлежит стать их „представителями“. Суть данной модели демократии – состязательность в процессе обретения политической власти. Она – источник творческого потенциала, ответственности, продуктивности, способности реагировать. Предпосылки – компетентность, терпимость, культура политических элит, основанная на демократическом самоконтроле. Последняя из предпосылок – „оградить подобную систему от чрезмерного участия в ней населения“: граждане должны считаться с установленным разделением труда между ними и избираемыми ими политиками.

Со стороны сторонников нормативной модели „демократии участия“ особенно убедительна критика элитарной модели против возведения в ранг демократических принципов аполитичности, ухода из общественной жизни, а также стремление оградить политическую систему от чрезмерных претензий населения. „Во имя своего реализма элитарной модели приходится поступиться тем, что всегда признавалось ядром концепции демократии, а именно принципом гражданства“. Что останется от демократии, если отвергнуть идеи самоопределения, участия, политического равенства? Утрачиваются критерии, позволяющие „отличить формальный ритуал, систематическое искажение, управляемое согласие, манипуляцию общественным мнением“ от реальности.

Но, соглашаясь с этой критикой, мы делаем демократические принципы труднодостижимыми. Всякий правитель может сказать: вы видите, граждане не готовы к участию, поэтому мы не можем позволить себе демократию. Сторонники теории политического участия предлагают такие институциональные модели, которые не столько дополняют, сколько подменяют собой наличные, якобы недемократические (и/или буржуазные) формы представительного правления» (Коэн, Арато 2003: 25—29).

Зрелая и молодая демократии

Е. Гайдар предлагает еще один критерий для различения демократических систем – степень зрелости. *Зрелая демократия*, характерная для богатых постиндустриальных обществ, сопряжена, по его мнению, с пассивностью большей части населения – актуальные политические проблемы не затрагивают там жизненных интересов избирателей. Отсюда и возникает элитарность большинства зрелых демократий. Постоянная проблема такой системы – соотношение налоговой нагрузки и социальных обязательств. Вокруг этой оппозиции формируются две основные политические силы: правый центр – за налогоплательщиков, левый центр – за получателей социальных трансфертов и зарплаты из бюджета. Однако обе эти силы придерживаются базового консенсуса – основные принципы устройства экономической и политической систем разделяются всеми.

Основные черты *зрелой демократии* таковы:

1) долгосрочная устойчивость. Стабильное функционирование в течение многих десятилетий с неплохими результатами оставляет радикальные идеи, насилие и нарушение законов на долю маргиналов;

2) партии опираются на длительную историческую традицию и предлагают обществу решения волнующих его проблем;

3) периодическая смена партий у власти – низкие налоги чередуются с высокими социальными расходами;

4) маргиналы не представлены во власти. Вместо социальной поляризации эпохи раннего капитализма – концентрация политических сил в центре, практически – политическое равновесие;

5) велико влияние «перераспределительных коалиций» – лоббистских структур, представляющих частные интересы узких, хорошо организованных отраслевых или профессиональных групп. Таково аграрное лобби многих стран или «заходящие отрасли», например сталелитейная промышленность в США, где занятость должна сокращаться, а стало быть, усиливаются стимулы самоорганизации (Гайдар 2005: 634);

6) стабильность, сила «перераспределительных коалиций», заинтересованных в сохранении привилегий, и отсутствие острых кризисов влекут за собой трудность проведения глубоких реформ, даже если они нужны.

Молодые демократии, обычно приходящие на смену авторитарным режимам индустриальной эпохи или аграрного полупеодального общества, имеют иные свойства:

1) новизна демократических институтов, незавершенность их легитимации. Риски, связанные с возможностью возникновения острых политических конфликтов и применения насилия. Время нестабильности;

2) политические партии, за исключением бывших партий власти вроде перонистов в Аргентине или компартий в постсоциалистических странах, слабы. Роль политических лидеров высока;

3) молодость демократии, социальная поляризация обуславливают сильное влияние радикальных движений (коммунистов, радикальных националистов). Отсюда угрозы для демократических институтов;

4) нестабильность институтов при высокой роли лидеров и относительной слабости «перераспределительных коалиций», редко способных блокировать перемены, создают благоприятные условия для глубоких реформ.

Например, в Восточной Европе 1990-х годов базовый консенсус элит основывался на общем стремлении вернуться в Европу, войти в НАТО и тем самым защититься от вчерашней угрозы – агрессии с Востока. Вместе с западными институтами эти страны импортировали политическую стабильность. (Сходные процессы можно было ранее наблюдать в Испании и Португалии.) Однако вместе со стабильностью, как правило, импортируется и ригидность политических форм.

Нехватка демократических традиций создает угрозу авторитаризма, особенно на ранних стадиях индустриализации, когда вмешательство государства в экономику может способствовать догоняющему развитию. Крестьянство – социальная база таких режимов; городское население, высокий уровень образования – ненадежная опора авторитаризма (Там же, 635—640).

Управляемая демократия

А что сегодня имеет место в России? Можно ли назвать нашу систему демократической? Рассмотрим минимальный набор признаков демократии применительно к нашей ситуации.

Мы имеем, во всяком случае формально, *выборность* представителей всех ветвей власти при всеобщем, равном и тайном голосовании. И выборы проводятся *регулярно*, в установленные сроки. Однако у нас есть претензии к отбору кандидатов, к равенству условий их представления обществу. Обычно победа одного из кандидатов бывает предопределена его возможностью использовать административный ресурс или деньги. Таким образом, можно констатировать разрыв между демократической формой и далеко не демократическим содержанием нынешней российской выборности.

Мы также констатируем формальное наличие *разделения властей*. Но в действительности в современной России доминирует одна из них – исполнительная. Другие власти трудно считать независимыми, они не способны играть самостоятельную роль, сдерживать

друг друга, служить друг другу противовесом. В эпоху президентства Б. Ельцина в нашем парламенте было сильное левое меньшинство, и обычно он находился в остром конфликте с правительством. На этом основании многие эксперты делают вывод, что в ельцинскую эпоху демократии было больше, чем сегодня. С этим трудно не согласиться, но конфликт между парламентом и правительством нельзя считать признаком демократии. Демократическая конкуренция – это конкуренция на выборах и внутри отдельных ветвей власти, а не между ними. А потому ликвидация такого конфликта кажется и неизбежностью, и благом. Правда, сейчас мы имеем дело с другой крайностью – теперь парламент полностью подчинен исполнительной власти...

У нас есть определенная *свобода слова и информации*. Во всяком случае несколько газет можно считать независимыми или оппозиционными. Еще нескольким общественным деятелям позволено свободно выражать свои взгляды. Но «федеральные» телеканалы, программы которых принимаются на территории всей страны или на большей ее части, находятся под контролем власти. В регионах пресса, как правило, жестко контролируется губернаторами. Так что всякому недоброжелателю власть может сказать: свобода слова есть. Но влияние СМИ на население сведено к минимуму, при котором они становятся абсолютно безопасны для власти.

У нас есть *свобода ассоциаций* – большое количество негосударственных организаций зарегистрировано в Министерстве юстиции, число партий приближается к 200. Но большинство этих партий – микроскопические, и они ни на что не способны повлиять. Массовых партий с разветвленными организационными структурами у нас две – партия власти, сейчас это «Единая Россия», и КПРФ, представляющая советский режим и ностальгирующих по нему избирателей. Кроме того, среди относительно развитых партий надо назвать СПС, «Яблоко» и ЛДПР: они имели или имеют представительство в Государственной думе, но не имеют реальных шансов получить власть в результате выборов. Фактически сегодня это уже касается и КПРФ, которая безвозвратно упустила свои шансы. «Родина» – партия ручной оппозиции, но я не торопился бы исключать ее победу на выборах, и вижу в этом угрозу. Партийное строительство, если воспользоваться старым советским термином, ныне полностью взяла в свои руки кремлевская администрация. Сколько мандатов, какие комиссии в Думе, кому из партийных лидеров и когда выступать по телевидению – все это решается в Кремле.

Новый избирательный закон, кроме всего прочего, повысил планку прохождения в парламент с 5 до 7%, поставив под вопрос представительство в нем практически всех партий, кроме одной – партии власти.

Говорят, что политические партии в России не пользуются доверием и представляют собой чуть ли не чуждый институт, не воспринимаемый нашей политической культурой. Уж что только с ним не делали! Именно для повышения роли партий в политической жизни было введено сочетание мажоритарной и пропорциональной систем на выборах. Думается, однако, что, кроме подобных шагов, власть постоянно делает и другие, которые по меньшей мере затрудняют развитие партий. Взять хотя бы то, что российские президенты – и Ельцин, и Путин – не пожелали стать представителями определенных партий. Власть таким образом отделила себя от партий, обозначила, что партии не являются организациями, призванными стать реальными политическими институтами. Понятно, что нет в нашей стране и открытой *политической конкуренции*. Точнее, еще недавно она была, притом в форме, чреватой разрушительными последствиями. Но в результате политической стабилизации политическая конкуренция была ликвидирована вовсе.

Итак, можно ли сказать, что в России есть демократия? Ведь даже минимальный набор ее признаков существует лишь формально, а в действительности очевидным образом отсутствует. И ничто не предвещает позитивного изменения этой ситуации, скорее, наоборот.

Однако однозначно ответить на этот вопрос все равно нельзя – любой однозначный ответ был бы неверным. Ведь как сказать правильно: стакан наполовину пуст или наполовину полон?

Поэтому и появился термин «управляемая демократия», который так и тянет поставить в кавычки. Что-то близкое имел в виду Ф. Закария, говоря о нелиберальной демократии. Е. Гайдар применяет иной термин – «закрытая демократия». Интересно, что он избегает отождествления молодой и закрытой демократии, хотя наблюдаемые у нас явления во многом сходны именно с процессами, протекающими при переходе от плановой или аграрной экономики с авторитарными политическими режимами к демократии зрелой. Гайдар видит в закрытой демократии специфический способ решения проблемы политической стабильности в такой переходный период – способ, альтернативный откровенному авторитаризму: «опозиция заседает в парламенте, а не сидит в тюрьме; регулярно проводятся выборы; нет массовых репрессий, существует свободная пресса, если это не относится к СМИ, имеющим выход на общенациональную аудиторию, и правительство можно критиковать не только на кухне, но и на улице, в газетах, в парламенте» (Гайдар 2005: 640). Примеры такой закрытой демократии, кроме современной России, – Мексика после революции, Италия и Япония после Второй мировой войны – «полупартийные» режимы. В них «есть все видимые элементы демократии, за одним исключением – исход выборов предопределен, от избирателей ничего не зависит» (Там же, 641).

Отличия закрытой демократии от авторитарного режима достаточно условны, но все же есть, во всяком случае Гайдар их видит.

Если не поддаваться эмоциям, а разобраться в этом явлении по существу, то, возможно, понятнее будет и то, что в сложившихся обстоятельствах стоит предпринимать сторонникам демократии.

С достаточной уверенностью можно утверждать, что на шкале форм правления управляемая демократия находится в промежуточном положении – за рамками собственно демократических форм – от элитарной демократии до демократии участия, между элитарной демократией и авторитаризмом. Но здесь надо еще учесть форму молодой демократии, которую я бы назвал *слабой демократией*, или *протодемократией*. Суть ее в том, что она существует при слабом государстве, не способном поддерживать исполнение законов и права граждан на должном уровне. В такой демократии существуют все необходимые демократические институты и функционируют они даже более эффективно, чем при управляемой или даже элитарной демократии. Но слабость власти приводит к тому, что право закона зачастую подменяется в ней правом сильного, насилие применяется не только государством – в общественных интересах, но и частными лицами или группами – в интересах частных. За слабой демократией на шкале форм правления следует анархия, хаос, когда государство вовсе отсутствует. Но это скорее теоретическая категория, если и можно найти ее примеры в истории, то чрезвычайно кратковременные, вроде Гуляйпольской республики Нестора Махно.

Есть еще советская демократия – она является лишь одним из элементов тоталитарного режима, но очень хорошо демонстрирует несоответствие формы и содержания политической системы. Стоит напомнить, что в начальных замыслах советская демократия представляла собой наиболее последовательный вариант демократии участия, отвергавший парламентаризм как форму элитарной, т. е. буржуазной, демократии. По Конституции РСФСР 1918 года, принятой V Съездом Советов, срок полномочий депутатов составлял всего 3 месяца, а кроме того, избиратели могли отозвать их в любой момент; разделение властей было отменено как буржуазный пережиток (Российское народовластие 2003: 37). То, что потом эти идеалы превратились в свою полную противоположность, во многом связано с тем, что Советы как форма демократии участия оказались неработоспособны. Легкая победа диктатуры одной партии объясняется, видимо, еще и тем, что из хаоса чаще всего рождается

авторитарный режим. Плюс к этому, конечно, нужно иметь в виду неготовность тогдашнего российского общества к реальной демократии; вспышку гражданской активности в период революции нельзя расценивать как интерес к постоянному участию населения в политике. Энтузиазм и романтика проходят, остается быт.

Потом советская демократия превратилась в совокупность ритуалов, разрыв ее формы и содержания стал безразмерным. Была видимость выборности, но никаких свобод, а тем более политической конкуренции, не было. Нынешнюю управляемую демократию часто сравнивают с советской. Думаю, опасная тенденция движения от первой ко второй существует. Но пока они довольно заметно различаются, и здесь очень важно это слово – «пока».

Связи форм правления

Стоит заметить, что соседство на шкале форм правления, выстроенной по их демократичности, отнюдь не означает высокую вероятность и легкость перехода из одной такой формы в соседнюю. Опыт показывает, что слабая демократия легко переходит в крайние формы диктатуры. Распад диктатуры или авторитаризма также нередко ведет к хаосу. Элитарная демократия и демократия участия без затруднений переходят друг в друга. Движение же к этим развитым формам демократии от авторитаризма или управляемой демократии всегда затруднено – прежде всего тем, что оно сопряжено с перераспределением власти, а от власти обычно никто не хочет отказываться без борьбы. Равно необходима борьба и для того, чтобы предупредить излишнюю концентрацию власти. И все же переход от управляемой демократии к элитарной вполне возможен, если общество проявит достаточно настойчивости.

На рисунке 3. 1 я попытался изобразить основные формы правления и связи между ними в целях пояснения мыслей, высказанных выше. Конечно, о характере этих связей, которые я буду называть «линиями перехода» (ламинарными и турбулентными), мне известно очень мало. Я высказываю лишь предположения, основанные на логике при недостаточном числе наблюдений. Так, представляется логичным, что переход от демократии участия к элитарной демократии и наоборот обычно проходит в спокойных условиях, тогда как переход от демократии участия к слабой демократии, несмотря на близость этих форм, просто трудно себе представить, если, конечно, не быть утопистом. То же можно сказать об обратном переходе – от слабой демократии к демократии участия. Но от слабой демократии легко перейти к тоталитаризму, хотя это может быть связано с конфликтами.

Рисунок 3. 1. Формы правления и основные линии перехода между ними.

Если же переходить от слабой демократии к управляемой, а от управляемой к авторитаризму, а уж от него к диктатуре, то и конфликтов можно избежать. Может быть, такое представление несколько упорядочит наши идеи относительно форм правления государством. Чтобы конкретизировать эти идеи, нам придется выстроить более конкретные модели общества, элиты и взаимоотношений между ними. Но до этого стоит посмотреть на формы правления, существовавшие в мировой и нашей, отечественной, истории.

3. 3. Молодость демократии: очерк истории

Демократия как устойчивая система правления очень молода. Подавляющее большинство живших на Земле людей являлись членами недемократических, авторитарных или олигархических, обществ.

Считается, что демократия зародилась в Древней Греции 2500 лет назад, первая веха ее истории – законы афинянина Клисфена, 507 год до н. э. В Греции демократия установилась только в нескольких городах-полисах – вряд ли кто-нибудь признает демократической, например, Спарту; в Афинах она просуществовала около 200 лет, до македонского завоевания. В Древнем Риме эпоха демократии – это годы республики от изгнания Тарквиниев до диктатуры Цезаря и империи Октавиана Августа, тоже не более 300 лет. Античный мир опирался на торговлю и мореплавание, что сделало возможным возникновение неиерархи-

ческих социальных организмов. Но он не придумал приемлемых форм представительной демократии, не мог связать механизмы усиления и распространения демократии, и поэтому упадок античных демократий стал неизбежен.

Затем более 1000 лет во всем мире не было никаких следов демократии. Где-то около 1100 года она вновь возникла в ряде североитальянских городов – Флоренции, Венеции, Генуе, – питаемая новым расцветом торговли и ремесел и Возрождением. К концу XIV века под натиском извечных врагов народовластия – экономических кризисов, коррупции, олигархии, узурпации власти и военных поражений – эти республики тоже стали приходить в упадок (Даль 2000: 21). Олигархическая Венеция пришла в упадок после открытия Америки и перемещения основных потоков международной торговли. Сходные процессы имели место и в других городах.

Я не буду говорить о народных собраниях первобытных обществ, так как эти примитивные формы народовластия не были связаны с институтом государства, а демократия даже в самых первоначальных формах – способ управления государством.

Кстати, Эрнест Геллнер, кроме деспотической и демократической форм правления, предлагает как самостоятельную форму рассматривать *сегментированное общество*, как-выми, по его мнению, были и догосударственные сообщества (Геллнер 2004: 18). Особенность сегментированного общества состоит в том, что в нем обычно «существует строгий и развитый ритуал, с помощью которого закрепляются социальные обязательства. Эти роли определяются, как правило, в терминах кровного родства». Жизнь в таком обществе строго регламентирована и без социальной иерархии, предписанная социальная роль обеспечивает каждому члену общества надежную идентичность, но не оставляет ему никакого выбора. В XIX веке Фюстель де Куланж в своей книге «Античный город» высказал предположение, что индивидуальной свободы в нашем понимании не было и в Афинах, и в Риме – жизнь античных греков и римлян была пронизана такими же ритуалами и ролевыми обязательствами. Даже сегодня во многих странах, сохранивших архаичные культурные формы, таких, как Япония, элементы сегментированного общества играют важную роль (Там же, 15—17).

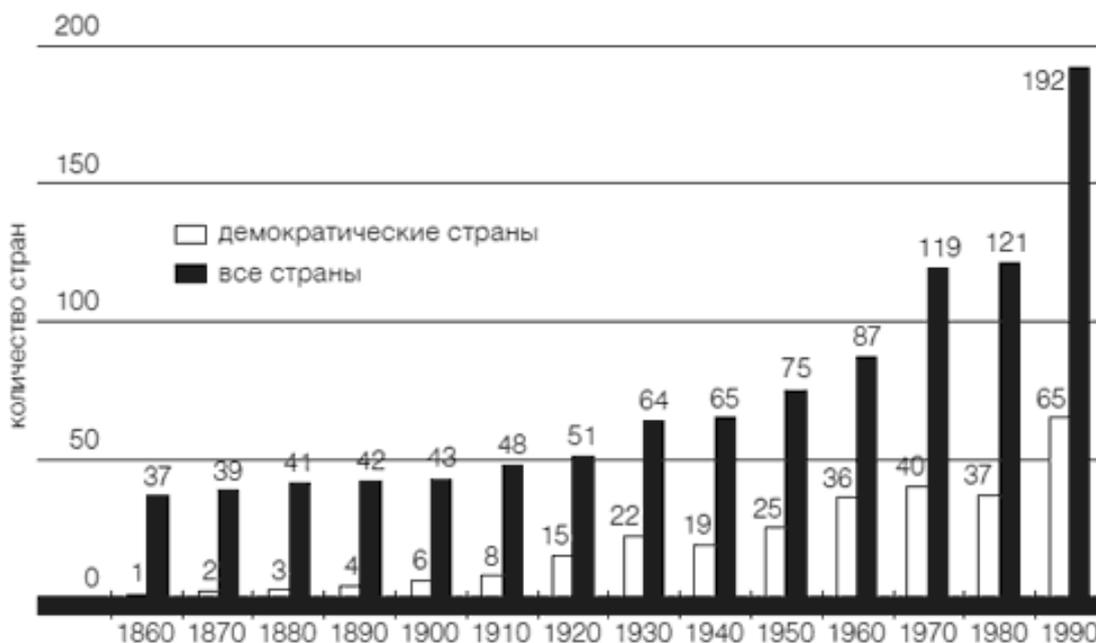
Р. Даль находит первое представительное собрание с законодательными функциями в Исландии 930 года (Даль 2000: 25). За ним следует еще ряд примеров средневековых народных собраний, обычно служивших форумами для дискуссий между монархами и высшей аристократией, куда первые старались подтянуть другие сословия, чтобы создать противовес вторым. С Великой хартии вольностей (1215) и царствования Эдуарда I (1272—1307) начинается, как считают, процесс становления английского парламента, но только в конце XVII века в Британии сложилась политическая система, в которой король и парламент взаимно ограничивали друг друга, а внутри парламента власть наследственной аристократии уравновешивалась палатой общин, избираемой уже довольно многочисленным слоем избирателей. К этому добавлялся суд, достаточно независимый в большинстве случаев. Английская политическая система стала образцом и для Монтескье, и для авторов американской Конституции. Между тем Англия уже столетия была лидирующей торговой и морской державой, «мастерской мира», но избиратели английского парламента, скажем, в 1831 году составляли 4, 4% английского населения в возрасте 20 лет и более. К 1914 году этот показатель достиг 30% (Там же, 29).

На рисунке 3. 2 изображена позаимствованная из книги Р. Даля (Там же, 14) диаграмма, на которой показано соотношение общего числа независимых стран мира и числа демократических стран, где в свободных выборах участвовали или участвуют все население или только мужчины.

Как мы видим, еще в 1860 году была только одна страна со всеобщим избирательным правом, в 1900 году – уже 6, т. е. 14% от числа независимых на тот момент стран. Число демократических стран сокращалось перед Второй мировой войной в связи с распростра-

нением диктаторских режимов фашистского типа и накануне кризиса социалистического лагеря, когда максимально возросло число сателлитов СССР. В 1990 году из 192 стран мира 65, т. е. 33, 9%, уже были демократическими.

Рисунок 3.2. Демократические страны (те, где избирательное право предоставлено всем или только мужчинам), 1860—1990.

К настоящему времени демократия укрепилась в странах Центральной и Восточной Европы, в большинстве стран Латинской Америки, в Индии, с рядом оговорок то же можно сказать о России и некоторых странах СНГ. Сам факт неуклонного распространения демократической системы правления по всему миру в течение последних 250—300 лет не подлежит сомнению. Напомню, что еще в середине XVII века в Англии шла война между королем и парламентом, завершившаяся казнью короля. Через полтора века подобные события произошли во Франции.

Очевидно, что укрепление и распространение демократии каким-то образом связаны с развитием рыночных отношений, торговли и капитализма. Демократия, как и торговля, – мир равноправных – по крайней мере, формально – отношений, мир контрактов равных партнеров. Он противостоит иерархическим структурам господства, характерным для аграрных обществ. Торговые отношения существовали всегда, но они только дополняли основные социально-экономические структуры, выстраивавшиеся на земле, тысячелетия остававшейся главным средством производства и объектом собственности. Очаги древней демократии возникали обычно там, где торговля выходила за рамки простого дополнения к сельскому хозяйству. Торговля и промышленность стали экономической основой жизни общества как раз тогда, когда сложились условия для развития капитализма, когда начался современный экономический рост³. И современная демократия как устойчивая политическая система тоже сложилась в это время. Несомненно, это стало возможно вследствие быст-

³ Современный экономический рост – термин, введенный С. Кузнецом и обозначающий тот этап ускоренного развития капиталистической экономики, в течение которого капиталистические страны Европы и Северной Америки оторвались от остальных стран, существовавших еще в условиях традиционной аграрной экономики. Его начало обычно относят к 20-м годам XIX века. См.: Гайдар 2005: 21—26.

рого развития экономики, увеличения душевого ВВП. Без этого трудно представить себе переход к всеобщему избирательному праву. Но верно, видимо, и то, что без демократизации, без упрочения прав и свобод, включая право частной собственности, был бы невозможен столь быстрый прогресс.

Таким образом, как политическая система мирового масштаба демократия очень молода. И она тесно связана с развитием эффективной рыночной экономики. Трудно сказать, процветание приводит к демократии или демократия создает условия для процветания – видимо, они взаимообусловлены. Но весь мировой опыт последних столетий показывает, что страна, стремящаяся к процветанию своих граждан, должна быть демократической.

Если где-то демократия развита недостаточно – не беда, она подлежит развитию. Отстающие еще не опоздали. Но если они упрямятся, ссылаясь на традиции и национальные особенности, если они считают, что порядок важнее свободы и его лучше всего поддерживать жесткой рукой, как это было от веку; что демократия – это изобретение чужой культуры, тогда они будут обречены на возрастающее отставание, а может быть, и на исчезновение.

Глава 4 Российская демократическая традиция

Я не буду обращаться к Киевской Руси и общинной демократии восточных славян, к тем временам, когда у них еще не было государственности или они платили дань иноземцам. Я также не стану останавливаться на вечевой демократии Новгорода и Пскова – традиционном доказательстве исконного свободолюбия и способности русских к самоуправлению – доказательстве, к которому всегда прибегают российские демократы. Все это было очень давно, и ниточек, связывающих наши нынешние проблемы с корнями, уходящими столь глубоко, на мой взгляд, не сыскать.

4. 1. Самодержавие

Практически весь поддающийся систематическому анализу период существования российской государственности, по крайней мере от Ивана IV до 1905 года, у нас была одна форма правления – самодержавие. Можно, конечно, вспомнить период собирания Москвой русских княжеств, период государства-вотчины, но следует признать, что традиции, влияющие на жизнь российского общества сегодня, сложились в основном именно в эпоху самодержавия.

Самодержавие утвердилось на Руси как противоядие от феодальных междоусобиц – подобно тому как в Европе появилась абсолютная монархия. Сильная единая власть, воплощенная в монархе, представлялась тогда единственной альтернативой разорениям от феодальных войн и разбойничьих набегов, источником мира и порядка. Становление самодержавия происходило в рамках объединения земель вокруг Москвы: завоеванием, наследованием или покупкой великий князь получал независимые княжества как бы в собственность, а бывшие удельные князья входили в его ближнее окружение, составляя аристократию, права которой определялись родовитостью. Разумеется, происходило это постепенно, князья неохотно расставались со своей самостоятельностью, право перехода от одного великого князя к другому сохранялось достаточно долго. Еще при Иване III в связи с утверждением в Литве католичества таким правом перехода воспользовались князья Бельские, Шемячичи и другие, которые привели в состав Московского государства Рязань, Новгород Северский, Можайск, Чернигов, Стародуб, Гомель, Любеч (Соловьев 1860: 127). В конце концов аристократия, бояре – владельцы вотчин составили ближний круг самодержца; не подвергая сомнению его права, они стремились не просто служить, но и ограничивать царский произвол. Вотчины, крупные земельные владения, были или вчерашними княжествами, или пожалованиями за заслуги и составляли экономическую основу прослойки бояр. Другие социальные силы – поместное служилое дворянство, торгово-ремесленный люд, армия (стрельцы) – стояли на более низких у ровнях сословной иерархии. Чиновники (приказные) вербовались по преимуществу из дворянства. Особую иерархию образовывало духовенство, всегда игравшее огромную роль в политической жизни.

Низшие слои, крестьяне и холопы, практически никаких прав не имели. Бунт и разбой, уход на окраины, в казаки были для них, по сути, единственными вариантами защиты от притеснений. При этом шаг за шагом некогда свободные земледельцы превращались в крепостных крестьян. Делала это самодержавная власть прежде всего для того, чтобы увеличить казну и обеспечить преданность бояр, дворян, церкви – тех, в чьих интересах и проводилось закрепощение.

В течение всей нашей истории после преодоления феодальной раздробленности и до революции 1905 года идея самодержавия никогда ни в одном сословии не подвергалась сомнению. Не будем говорить об отдельных мыслителях или кружках, даже декабристы и

«Народная воля» были «партиями», которые не только не пользовались массовой поддержкой, но и не рассчитывали на нее.

Со временем роль различных социальных слоев в жизни общества менялась. В XVII веке, как пишет В. Ключевский, монархия, подавив противодействие боярской аристократии (последним актом здесь был закон 1682 года, отменивший местничество), стала править посредством дворянства. В XVIII веке дворянство само пыталось править обществом посредством правительства, но природа самодержавия повернула к тому, что «в XIX веке дворянство пристроено было к чиновничеству как его плодovитейший рассадник, и в половине этого века Россия управлялась не аристократией и не демократией, а бюрократией, т. е. действовавшей вне общества и лишенной всякого социального облика кучей физических лиц разнообразного происхождения, объединенных только чинопроизводством» (Ключевский 1957: 9). И все же бюрократия не была такой «кучей», по сути она стала новой социальной силой, объединенной в административную иерархию и заинтересованной в том, чтобы ее пирамиду венчала сильная единоличная власть, придающая вес всей пирамиде.

Демократизация как проникновение «простых людишек» во власть

Стоит еще отметить, что в нашей традиции, идущей от еще феодальной эпохи, демократизация понимается как проникновение во власть представителей низших сословий. Так, Ключевский называет шагом к демократизации управления отмену местничества. Естественно, Петр I выглядит демократом, поскольку поднимает наверх людей «подлого» происхождения. В этой логике демократией является и китайская империя, бюрократия которой формируется с соблюдением конфуцианских правил подбора кадров по достоинствам, а не по происхождению и связям. И большевики – также демократы, ибо открывают дорогу к власти простым людям, рабочим и крестьянам. В этом смысле бюрократия не противостоит демократии. Но мы говорим не об этом.

Демократия, на мой взгляд, – это совокупность институтов, позволяющих разным социальным слоям, политическим партиям и идейным течениям отстаивать свои интересы, проводить свои идеи и добиваться власти в открытой публичной политической борьбе.

Традиции законности: слово и дело

В противовес этому в России, по византийской еще традиции, под шапкой самодержавия политическая борьба между сословиями, придворными партиями и группами интересов всегда осуществлялась «под ковром», ее основными инструментами были интриги, подсиживание и насилие.

Чтобы оправдать свои методы, тот, кто побеждал в этой борьбе, всегда старался узаконить насилие. Ведь закон не является изобретением демократии. В абсолютной монархии источником права являются государство, царь, которые всегда, как правило, декларируют независимость и справедливость суда и недопущение произвола. Например, Судебник Ивана III (1497) устанавливал, что судья (боярин или боярский сын) не может судить один, с ним должны быть «дворский, староста, лучшие люди» (Соловьев 1860: 131).

А Соборное уложение царя Алексея Михайловича (1649) требовало, чтобы «всяких чинов людям от большого и до меньшего чину суд и расправа была во всяких делах равна». Но по поводу того же Уложения В. Ключевский замечает: «Если Уложение действовало у нас почти в продолжении двух столетий до свода законов 1833 года, то это говорит не о достоинствах алексеевского свода, а лишь о том, как долго у нас можно обойтись без удовлетворительного закона» (Ключевский 1957: 142—143).

«Басманному суду» начала XXI века в России предшествовал «шемякин суд» – выражение, обозначившее извечное недоверие народа к российскому правосудию, в котором желания власти всегда были выше закона. Впрочем, для той эпохи это, видимо, было естественно.

Пять эпизодов

Говоря о российской демократической традиции, я буду иметь в виду именно эпизоды, или периоды, когда становилась возможна открытая политическая борьба, влиявшая на принятие важных решений. Таких эпизодов за все время после преодоления феодальной раздробленности и до революции 1917 года можно насчитать лишь пять: 1) Смутное время; 2) земские соборы, особенно Собор 1648—1649 годов; 3) либеральные реформы Александра II; 4) революция 1905—1907 годов и возникновение русского парламентаризма; 5) революция 1917 года – от февраля до разгона Учредительного собрания.

В ходе обсуждения рукописи коллеги советовали мне добавить к этому списку «затею верховников» 1730 года, а также проекты М. М. Сперанского. Но эти события, и даже восстание декабристов, конечно значимые для элит, не вызвали никаких массовых движений и, с другой стороны, не были их проявлениями. Поэтому я оставил приведенный выше перечень без изменений.

4. 2. Смутное время

Смуту 1605—1613 годов породило боярство, желавшее гарантировать себя от репрессий царской власти, пережитых при Иване Грозном, да и возвыситься вновь – в этом смысле смута была обычным для тех времен конфликтом абсолютной монархии и феодальной аристократии. Особенностью же Смутного времени можно считать то, что в это время в политическое сознание наших предков проникла новая мысль: Московское государство есть государство московского или русского народа, а государство вообще – блюститель народного блага. До тех пор господствовал взгляд удельных времен: государство есть вотчина княжеской или царской династии.

В. О. Ключевский писал: «Когда подданные, связанные с правительством идеей государственного блага, становятся недовольны правящей властью, видят, что она не охраняет этого блага, они восстают против нее. Когда прислуга или постояльцы, связанные с домохозяйством временными условными выгодами, видят, что они этих выгод не получают от хозяина, они уходят из его дома. Подданные, поднимаясь против власти, не покидают государства, потому что не считают его чужим для себя... Люди Московского государства поступали как недовольные слуги или жильцы с хозяином, а не как непослушные граждане с правительством. Они нередко роптали на действия правившей ими власти; но, пока жила старая династия, народное недовольство ни разу не доходило до восстания против самой власти» (Ключевский 1957: 52).

Хозяином дома, т. е. государства, был царь. В нем все принадлежало ему. И царь Михаил Романов утвердился на престоле не столько потому, что был избран Земским собором, сколько потому что был племянником последнего царя прежней династии. Косность политического мышления еще не раз сыграет роль в русской истории...

Но в данном случае казавшийся незыблемым порядок был нарушен. Трижды за 15 лет на Руси царя выбирали. Люди видели падение царей, не пользовавшихся поддержкой народа. Они видели, как государство, оставшись без царя, не распалось, а сплотилось и нашло способ своей консолидации. Правда, в способе консолидации не было ничего нового: это были

выборы нового хозяина. Однако отношение к нему уже стало иным, по крайней мере на время – пока не утвердилась новая династия.

«Подкрестная запись» Василия Шуйского

От Бориса Годунова бояре ждали крестоцелования об ограничении царского всевластия. Василий Шуйский вынужден был согласиться на «подкрестную запись», в которой он взял на себя обязательство судить подданных не по своему усмотрению, а по закону. По совершении записи царь Василий, по словам летописца, заявил: «Мне ни над кем ничего не делати без собору, никакого дурна», что было не видано до тех пор в Московском государстве (Там же, 38). Он явно хотел опереться не только на бояр, норотивших ограничить его в царских правах, но и на народное представительство.

Договор 4 февраля 1610 года

Однако в социальной среде этого представительства – служилом дворянстве – появились радикальные политические идеи. Посольство противников Шуйского во главе с Михаилом Салтыковым 4 февраля 1610 года подписало с польским королем Сигизмундом III договор, согласно которому на московский престол призывался королевич Владислав. Условия его правления, обозначенные в договоре, чрезвычайно любопытны. Едва ли не главное из них связано с защитой личных прав подданных будущего царя: никто не должен был быть наказан без суда (видно, расправы без суда и следствия были особенно распространены в ту эпоху). Далее оговаривалась свобода передвижения: подданным Владислава «вольно ездить в другие государства христианские, и государь имущества за то отнимать не будет». Земскому собору придавался статус учредительного собрания, поскольку в его компетенцию было отнесено утверждение изменений в Судебнике – тогдашнем варианте гражданского кодекса. В договоре, подписанном с поляками 17 августа того же года уже представителями высшего московского боярства и во многом повторявшем договор Салтыкова, нормы о свободе передвижения и возвышении незнатных людей по заслугам все же вычеркнули. Договор 4 февраля Ключевский оценил как «целый основной закон конституционной монархии», чего нельзя сказать о боярском договоре от 17 августа: «Правящая знать оказалась на низшем уровне понятий сравнительно со средними служилыми классами», – написал историк (Там же, 44). За этими документами стояла открытая политическая борьба, чаще всего вооруженная, и именно со стремлением прекратить ее связано появление обоих договоров... Вскоре дело дошло и до первого на Руси крупного восстания, во главе которого встал Иван Болотников.

В конечном счете в 1613 году Земский собор избрал царем Михаила Романова. Смута закончилась. Но следы политических идей, родившихся в это время, дали знать о себе и позднее, и в том числе в земских соборах всего XVII века.

4. 3. Земский собор 1648—1649 годов

Особый интерес в этой связи представляет Земский собор 1648—1649 годов. Можно провести определенную аналогию между ним и началом английского парламентаризма или французскими Генеральными штатами 1789 года, но сравнивать нужно не их значение в истории развития демократии и парламентаризма, а упущенные и реализованные возможности. Общее между этими учреждениями только одно: все они являются сословными представительствами эпохи феодализма. Во всех этих случаях монарх вынужден был созвать сословное представительное собрание, чтобы решить вопросы, иным способом неразрешимые. Речь шла о конфликте интересов различных социальных слоев.

Обстановка России тех лет. Молодой царь только что взшел на престол. Он – только второй царь из новой правящей династии, еще недавно страну раздирала Смута. Реальное управление страной держал в своих руках Борис Морозов, воспитатель царя, человек умный, образованный по тому времени, но корыстолюбивый. Он возглавлял как бы придворную партию власти. Ей противостояла придворная же оппозиция, возглавляемая более знатными Никитой Романовым, дядей царя, и Яковом Черкасским. Борьба шла за влияние на царя, за теплые места, за возможности обогащения.

После Смуты страна находилась в тяжелом положении, казна была пустой, потребности, особенно в военных расходах, – огромными. Морозов повел, сейчас бы сказали, крутую монетаристскую политику. Сокращение расходов вылилось прежде всего в урезание жалованья, в том числе дворянам и приказным, т. е. чиновникам. Хотя денежное жалованье служилым дворянам выдавалось нерегулярно – в основном они жили на доходы от поместий и вотчин, – его сокращение сулило казне существенную экономию средств. Естественно, это вызвало большое социальное напряжение. Жалованья были лишены и стрельцы, начался пересмотр многочисленных льгот и привилегий.

Дело коснулось и налогов, особенно взыскания огромных недоимок. Наиболее распространенным тогда методом налогового администрирования был правеж, в ходе которого деньги буквально выколачивались из должников палками.

Правеж в Зарайске.

В Зарайске 27 октября 1647 года воевода Феоктист Мотовилов за час до рассвета разослал стрельцов по дворам посадских. Сognaв их с постели, «загнали в город и начали бить на правежи нещадно». Кряхтя, горожане недоимки собрали, но Мотовилову этого показалось недостаточно.

«Тоде вы принесли песку, а не деньги, а хотя де и деньги де ваши лежат», – объявил он и пригрозил на правеже за упорство ноги переломать. И в самом деле принялся ломать, приказал начать правеж заново (Андреев 2003: 93).

Недоимки, однако, росли из-за запустения посадов и деревень, из-за бегства теглецов – тех, кто, собственно, и должен был платить налоги. Много людей бежало из тягловых «черных» слобод в так называемые «белые слободы», представлявшие собой тогдашний вариант внутренних оффшоров. Они принадлежали духовенству и старой аристократии, их жители освобождались от уплаты налогов – от тягла. Другим способом ухода от налогов было «закладничество»: крестьянин мог поступить в зависимость к феодалу и в обмен на личную свободу освобождался от уплаты налогов в государственную казну. Так старинные привилегии знати вступали в противоречие со строительством централизованного самодержавного государства. И оно начало наступление на эти способы уклонения от уплаты налогов.

Но этого мало, Морозов решил еще провести налоговую реформу, предложенную дьяком Назарием Чистым. В феврале 1646 года по его предложению была введена новая пошлина на соль, 20 копеек за пуд. Одновременно отменили основные прямые налоги – стрельцкие и ямские деньги. Теперь можно было сократить «правежи» – косвенный налог люди платили сами. Тем самым русское правительство опередило многие европейские страны с переходом от прямого налогообложения на косвенное. Только в отличие от Европы результат этого перехода в России оказался отрицательным. При старинном русском укладе жизни, когда все делали запасы впрок, а соль по ценности приравнивалась к хлебу, введение «соляного» налога вызвало огромное недовольство. К тому же этот налог подчеркнул социальное расслоение, ударив только по бедным: ведь и бедные и богатые потребляли равное количество соли. «Соляных» поступлений в казну оказалось много меньше, чем ожидалось, и вскоре новый налог отменили. Начавшееся же в 1648 году московское восстание до сих

пор иногда называют «Соляным бунтом»: восставшие требовали отмены налога и возврата выплаченных за время «соляной затейки» денег.

Возможно, народ и выдержал бы подобные меры, если бы они не сопровождались чудовищными вымогательствами и произволом. «Взгляд на власть как лучший способ приращения богатства, – пишет историк Игорь Андреев, – издавна был усвоен и освоен правящим сословием. Но именно эпоха Морозова в сознании современников стала временем такого вымогательства и произвола, что перед ними блекли все предыдущие образчики приказного и воеводского самоуправления... За кого заступы (взятки) большие, тем и дела чинятся» (Андреев 2003: 97). Сам Морозов не был уличен во взятках, но совершенно ясно, что он извлек из расположения царя немалую выгоду. Еще в 1638 году он владел 330 дворами, причем 11 из них – совместно с братом Глебом (мужем знаменитой старовой боярыни Морозовой). Однако в 1647 году у Морозова уже 6034 двора, а еще через 6 лет, уже после опалы, – 7234. Впереди был лишь один Никита Романов, дядя царя, владевший 7689 дворами.

Пора объяснить, зачем я это рассказываю. Во-первых, напрашиваются аналогии: найдется немало людей, которые скажут, что с тех пор мало что изменилось. Отчасти это так. Во-вторых, для меня важно понять, какой была историческая ситуация, которая могла привести к зарождению в России демократических институтов. Могла, но не привела.

Московское восстание 1648 года

В какой-то момент дело вышло за рамки борьбы придворных партий. Власть оказалась слабой. Посадские и служилые люди, обычно враждовавшие между собой, смогли объединиться и заставить царя отправить Морозова в ссылку.

10 июня 1648 года царю была подана большая всенародная челобитная, в которой было четко зафиксировано недовольство служилого дворянства и торгово-промышленных кругов судом, законодательством и собственным юридическим статусом. Посадские и служилые люди считали, что государство должно прислушиваться к ним и опираться на них, а не на бояр, ограждающих царя от народа ради своей корысти.

По сути, это были идеи сословно-представительной монархии, принципиально новые для русской политической жизни.

Земский собор и требования сословий

16 июля 1648 года начал заседать Земский собор. Выборы его участников не вполне соответствовали норме, а представительство не было полным, но это не противоречило тогдашнему правосознанию и в легитимности Собора никто не сомневался. Выход из сложившейся ситуации видели в принятии Соборного уложения, нового свода законов. Для этого был учрежден Уложенный приказ, который возглавил князь Никита Одоевский. Выборы на следующую «сессию» Собора, начало которой было намечено на 1 сентября, шли все лето – где, как в Ельце или Новгороде, очень активно, с шумом и драками, а где, как в Рязани, при полном равнодушии избирателей и понукании воевод.

Выборных было около 300 человек, в том числе 170 – от уездного дворянства, 89 – от городов, 12 – от московских сотен и слобод, 15 – от стрельцов. Они составили нижнюю, «ответную» палату, где предварительно обсуждались статьи Уложения, выработанные Уложенным приказом. Здесь же рассматривались челобитные с мест.

Важнейшее требование представителей посада заключалось в отмене «белых слобод» и возвращении закладчиков в государево тягло. Они также желали превратить торговлю и ремесла в свою монополию. Дворянство требовало отписать на государя церковные вотчины, оказавшиеся во владении монастырей и кафедр после 1580 года, рассчитывая затем

получить конфискованные земли. Но главное, Уложение узаконило «вечную и бессрочную потомственную крепость». Продолжавшийся десятилетия процесс закрепощения крестьян завершился. Известная фраза: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день», зафиксировавшая запрет на переход крестьян от хозяина к хозяину, означала в конечном счете победу дворянства над крестьянством – победу, которая очень скоро отозвалась восстанием Степана Разина.

Торгово-промышленные круги добились новых протекционистских барьеров для иностранцев, отмены ряда их привилегий. Кстати, в одной из своих челобитных русские купцы требовали вовсе запретить англичанам торговать в России – на том основании, что те казнили своего законного короля, Карла I.

Нужно сказать, что принятые Земским собором предложения представителей различных сословий не поднимались над их корыстными интересами и лишь прикрывались благом всего государства. Таким образом, новые законы не способствовали развитию России, а, скорее, даже толкали ее назад. Так нередко бывает с демократическими институтами, и это дает противникам демократии сильные аргументы для ее критики. Надо учесть, что крупнейшее сословие того времени – крестьянство – не только не имело представительства на Земском соборе, но было лишено в результате его работы всех гражданских прав. Россия вообще в то время двигалась как бы против общего хода европейской истории: в Европе крепостное право уже отменялось, у нас – только вводилось. И при Петре I преобразования касались в основном администрации и опирались скорее на укрепление традиционных социальных институтов – самодержавия, произвола властей, все большего угнетения крестьянства.

Но и те подвижки в сторону сословного представительства и его влияния на политику, которые были достигнуты при подготовке Соборного уложения, вскоре шаг за шагом, по мере укрепления власти царя и успокоения народа, были перечеркнуты. Даже Морозов, с горячих выступлений против которого все начиналось, чуть погодя был возвращен из ссылки и вновь занял ключевые государственные посты. Представительные институты в России не получили устойчивых позиций и вскоре на долгий срок и вовсе исчезли из ее политической практики. Шанс был упущен.

4. 4. Либеральные реформы Александра II

Царь и народное представительство

Другие эпизоды развития российской демократической традиции, если говорить не об отдельных мыслителях и несостоявшихся проектах, но о движении и волеизъявлении достаточно широких слоев населения, встречаются, пожалуй, только в эпоху реформ Александра II, через 200 с лишним лет после Соборного уложения. Заметим, что перечисленные выше «демократические» эпизоды в российской истории приходятся либо на начальный этап развития абсолютной монархии, в период ее перехода от вотчины к государству, либо на заключительный этап, охвативший примерно 50 лет перед революцией. Между ними – расцвет самодержавия. В начале этого расцвета российский политический уклад еще мало чем отличается от европейского: парламенты в это время существуют только в Англии и Голландии. В конце же эпохи самодержавия Россия уже сильно отстает: так, крепостное право она отменяет последней из всех европейских стран.

Собственно реформы Александра II трудно связывать с демократией. Сам он высказывался решительно против какого-либо представительного учреждения с законодательными функциями. Но в ходе Крестьянской (1861), Земской (1864), Судебной (1864) и Городской (1870) реформ были сделаны заметные шаги к распространению выборности органов местного управления, а в городах – даже и к преодолению сословности. Земское движение, а

также городское самоуправление стали одной из политических сил, выступавших за демократизацию российской политической жизни. В январе 1881 года М. Т. Лорис-Меликов, глава группы «либеральных бюрократов» в окружении Александра II, представил на его рассмотрение план продолжения «великой реформы 1861 года», в котором предлагалось, в частности, участие представителей земств в централизованной подготовке реформы местного самоуправления и дальнейшее продвижение аграрной реформы (понижение выкупных платежей и отмена временнообязанного состояния крестьян). Лорис-Меликов специально подчеркивал, что его проект не имеет ничего общего с западными конституционными формами, – царь опасался превращения любого представительного собрания в российские Генеральные штаты, с учреждения которых началась Французская революция. И все же он согласился с планом Лорис-Меликова и подписал его утром 1 марта 1881 года, за несколько часов до своей гибели от бомбы террориста. Таковы парадоксы истории: революционеры, жаждавшие позитивных перемен, в действительности сами положили им конец и способствовали повороту вспять (Пантин, Плимак 2000: 219—222).

Надо сказать, что все реформы Александра II задумывались и готовились «либеральными бюрократами» – Лорис-Меликовым, братьями Милютиными, сановниками, такими, как Я. Ростовцев и В. Панин, вне связи с мнениями иных общественных деятелей, даже умеренного толка, не говоря уже о таких радикалах, как А. Герцен и Н. Чернышевский. В ходе реформ превалировало желание минимизировать перемены, невыгодные для правящего класса – дворянства. А итог был таков: реформы, призванные предупредить революцию, в силу своей половинчатости и непоследовательности положили начало революционному движению и затем привели к разрушительной революции.

Состояние общества

Дискуссии о реформах велись в весьма узком образованном слое, подавляющее большинство населения, прежде всего крестьянство, никакого участия в деле, прямо касающемся его интересов, не принимало. Неудивительно, что народники, предпринявшие уже в 70-х годах XIX века «хождение в народ», столкнулись в деревне с крайне низким, почти первобытным уровнем потребностей, с покорностью и несокрушимым фатализмом, питаемым примитивной религиозностью: на все Божий промысел. «Здесь нет места индивидуальной или коллективной инициативе... Нет своего права сказать: „хочу!“ или „не хочу!“» (Там же, 213). Средневековье. Почти ничего не изменилось здесь со времен Смуты. Какая демократия?! Интересно, что со времен Пугачева и до Крестьянской реформы почти не было крестьянских волнений, а с ее началом они выросли в десятки раз. И вместе с тем в России в эпоху Великих реформ сдвинулось с места развитие рыночных отношений и капитализма, экономической основы демократии.

4. 5. Революция 1905—1907 годов

Необходимость перемен

Следующий эпизод связан с революцией 1905—1907 годов, с возникновением российского парламентаризма.

Начиная с реформ Александра II российская история как бы начала двигаться быстрее. Реакция, наступившая после убийства царя, казалось бы, уничтожила все пробившиеся в 60–70-е годы ростки свободы. И тем не менее параллельно с развитием экономики в конце XIX века росло общественное недовольство, исподволь шло вызревание и размежевание всего

спектра политических сил, которые после опубликования Манифеста 17 октября 1905 года конституировались в легальные политические партии.

Суть дела в том, что уже тогда для развития страны нужна была иная мера экономической и политической свободы, в особенности она требовалась растущей буржуазии. Полуфеодалная власть не хотела ни на йоту отказываться ни от самодержавия, хотя оно безнадежно устарело, ни от привилегий высших сословий, на которые она опиралась. И в то же время самый массовый слой населения, крестьянство, оставался экономически угнетенным и политически невежественным.

Еще в 1898 году С. Витте писал в письме царю: бюджет России с населением 130 млн. человек вырос с 350 млн. рублей в 1861 году до 1400 млн. «Но уже теперь тяжесть обложения дает себя чувствовать. Между тем бюджет Франции при 38 млн. жителей составляет 1260 млн. рублей. Если бы благосостояние наших плательщиков было равносильно благосостоянию плательщиков Франции, то наш бюджет мог достигнуть 4200 млн. рублей...

Почему же у нас такая налогоспособность? Главным образом от неустройства крестьян. Нужно прежде всего поднять дух крестьянства, сделать из них свободных и верноподданных сынов ваших» (Пантин, Плимак 2000: 283—284).

Замечу, что и сейчас разрыв между Францией и Россией по душевому ВВП не меньше, правда и свобода с демократией в тот период были в нашей стране в таком состоянии, что не могли способствовать его сокращению.

Манифест 17 октября

Во всеподданнейшем докладе, опубликованном вместе с Манифестом 17 октября 1905 года, Витте также писал: «Начала правового порядка воплощаются, лишь поскольку население получает к ним привычку – гражданский навык. Сразу приготовить страну с 135-миллионным разнородным населением и обширнейшей администрацией, воспитанными на иных началах, к восприятию и усвоению норм правового порядка не под силу никакому правительству» (Там же, 253).

Иначе говоря, темное крестьянство надо было освободить от феодальных пут и дать ему приспособиться к новым условиям, чтобы оно стало восприимчиво к гражданским навыкам и правовым нормам. В другом случае оно могло взбунтоваться. Увы, можно констатировать: сегодня крестьянства уже нет, по крайней мере хоть как-то похожего на тогдашнее, но нормы поведения и гражданские навыки у большинства жителей России не слишком изменились с начала XX века. Одно из двух – либо таково их врожденное свойство, либо в течение всего XX столетия в их социальной практике свобода и демократия замещались другими институтами, близкими к феодальным. Уверен, что именно второе.

Элита и революция

Тогда и возник выбор: революция или демократия. Манифест 17 октября был шагом от революции к демократии, шагом вынужденным, но способным предотвратить хаос и насилие, а заодно спасти и власть, хоть и с меньшим объемом полномочий. Это важнейшее творение С. Витте достигло цели, раскололо оппозицию самодержавию на умеренную и радикальную части. Ю. Мартов цитировал Торгово-промышленную газету: «В декабре 1905 года революция была подавлена не пулеметами, а расчленением освободительного движения, которое было произведено Манифестом 17 октября» (Шанин 1997: 134). Кадеты и все партии справа от них справедливо считали, что теперь следует развивать успех легальными методами, чтобы избежать нарастающей анархии. Революционеры, эсеры и социал-демократы, опираясь в основном на рабочих, новый класс, рожденный капитализмом, хотели идти до конца, до свержения царской власти. Крестьянство же в массе своей оставалось пассивным.

«В обществе, – пишет Т. Шанин, – где большинство людей были бедны, ограничены и находились в состоянии политической спячки, политические сражения велись между небольшими элитарными группами, а окончательно решала вопрос о выживании Старого Порядка „спячка“ народа-великана» (Там же, 61). Но теперь он стал приходить в движение, а его бедность и ограниченность превратились в угрозу, испугавшую и буржуазию, и политические партии, представлявшие ее интересы. С другой стороны, в этом крылась и угроза для демократии, только что получившей признание власти в тексте Манифеста.

Он гласил: «Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов... Не останавливая предначертанных выборов в Государственную Думу, привлечь теперь же к участию в Думе... те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав... Установить как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной Думы...» (Пантин, Плимак 2000: 252).

Тем самым Думе передавались законодательные полномочия. Несмотря на нарочитую расплывчатость формулировок, Манифест является первой российской конституцией, увенчавшей более чем столетнюю, начиная с Радищева и Сперанского, борьбу за правовой порядок в стране, противоположный деспотизму. Правда, юристы считают первой конституцией России Основные законы, принятые 23 апреля 1906 года (Российское народовластие 2003: 61). Но это уже детали.

Стоит обратить внимание на колоссальный прогресс российского общества в период между 1861 и 1905 годами. Великие реформы готовились либеральными бюрократами без участия общественности, роль которой ограничивалась дискуссиями на страницах подцензурных изданий. В 1905 году мы уже видим формирующееся гражданское общество, разветвленную сеть, как сказали бы теперь, неправительственных гражданских организаций – таких, как Союз союзов, Крестьянский союз, профсоюзы, рабочие советы, и политических партий, достаточно полно представлявших весь спектр экономических интересов и социально-политических идей российского населения.

Государственная дума

Однако власть сразу же стала пытаться ликвидировать эти демократические завоевания. Во-первых, начались прямые репрессии, особенно усилившиеся с назначением П. Столыпина на пост премьер-министра. По его инициативе на основании статьи 87 Основных законов, позволявшей правительству принимать законы во время каникулов Думы, был издан указ о военно-полевых судах, допускавший казни без суда и следствия. В 1906 году по этому указу было казнено 144 человека, в 1907-м – 1139, в 1908-м – 825, в 1909-м – 717.

Конечно, сейчас, когда мы знаем число жертв революции и сталинских репрессий, эти цифры не производят большого впечатления. Но тогда общество, несмотря на непросвещенность, еще не было дегуманизировано дикими войнами XX века и воспринимало такие репрессии очень болезненно.

Во-вторых, избирательное законодательство позволяло властям получить максимально лояльный состав Думы. По правилам голосования по куриям 1 голос помещика был равен 3 голосам мещан, 15 голосам крестьян и 45 голосам рабочих. Впрочем, несмотря на это, первые две Думы все равно были разогнаны.

В-третьих, норма, которой законы вступали в действие только после одобрения Думой, была сразу же нарушена. Основные законы, как уже говорилось, были приняты 23 апреля 1906 года, за 4 дня до открытия I Думы. Упомянутая статья 87, по сути, давала правительству право действовать помимо парламента. Новый избирательный закон, названный «бесстыжим» и принятый в нарушение Основных законов, в III Думе дал большинство

октябристам и правым, прямо поддерживаемым двором. Только эта Дума смогла проработать весь пятилетний срок своих полномочий. IV Дума была столь же консервативной, но с ней страна вступила в войну, во время которой в парламенте образовался оппозиционный «прогрессивный» блок, критиковавший власти. В феврале 1917 года деятели этой Думы, к тому времени уже распущенной, все же сыграли важную роль в смене самодержавия новым демократически режимом.

Нельзя не упомянуть в этой связи о деятельности П. Столыпина. Он, конечно, вовсе не был демократом. Заняв свой пост на спаде революционной волны, он жестко подавлял беспорядки и осуществлял жизненно необходимую России либеральную аграрную реформу, несмотря на общественное противодействие. Как потом Пиночет и Пак Чжон Хи, он готовил страну к демократии и процветанию. Недаром Л. Троцкий говорил, что, заверши П. Столыпин свою аграрную реформу, и революция в России была бы невозможна. К сожалению, он не успел. Но важно помнить: история не одномерна, она соткана из противоречий, в том числе в судьбах и деяниях людей.

Наступление власти на демократию, поддержка государством крайне правых, реакционных националистических организаций типа Союза русского народа и Союза Михаила Архангела привели к новому усилению радикальных революционных движений. И все же к Первой мировой войне Россия подошла с более или менее работоспособными демократическими институтами, которые могли совершенствоваться и дальше, стоило только ослабить жесткий прессинг власти. Война круто изменила ситуацию, уже наметившаяся либеральная альтернатива развития российского общества вновь стала менее вероятной, революционный сценарий, напротив, обрел реальную перспективу. Наверное, можно сказать, что уже тогда он стал неизбежен.

4. 6. От Февральской революции до Учредительного собрания

Готовность к демократии

Последний эпизод – Февральская революция 1917 года вплоть до разгона большевиками Учредительного собрания. Не надо идеализировать ту обстановку хаоса, который тогда возник во власти, а точнее – в двоевластии Временного правительства и Советов. Но все же за несколько месяцев страна совершила исторический рывок от традиционной, полуфеодалной абсолютной монархии к демократической государственности. Конечно, в формировании новых государственных институтов участвовало не так много людей, но важно, что и это небольшое количество просвещенных и профессионально подготовленных политиков в тогдашней России нашлось.

Напомню, что незадолго до отречения Николай II распустил Государственную думу и после падения самодержавия многие ее члены сомневались в своем праве на власть. Но вакуум власти был еще опаснее, чем нарушение юридических тонкостей. Между Временным комитетом Государственной думы и лидерами Петросовета, т. е. обеими сторонами двоевластия было достигнуто предварительное соглашение о выборах Учредительного собрания – о том, что эти выборы будут всеобщими и свободными, о том, что Учредительное собрание будет обладать исключительной прерогативой решения всех главных вопросов государственной жизни, включая выбор формы правления, и, наконец, о том, что только само Учредительное собрание будет определять круг и границы своих задач. Было сформировано Юридическое совещание, обязанное подготовить проект Конституции. Предложение о придании Учредительному собранию функций Конвента, т. е. органа, совмещающего законода-

тельную и исполнительную власть, было отвергнуто как способное привести к «безудержному деспотизму» (Российское народовластие 2003: 26). Напомню, что именно этот тезис был едва ли не основным в ленинском обосновании советской демократии, финал развития которой нам хорошо известен.

Что важно подчеркнуть, так это согласие лидеров всех основных политических сил, т. е. политической элиты того времени (исключая крайних монархистов и, как потом оказалось, большевиков), действовать солидарно в интересах страны. В частности, не прибегать к возбуждению масс. Мы еще вернемся к этому тезису, ключевому для демократического развития. В советской историографии эти факты интерпретировались как проявление слабости буржуазного правительства и тогдашнего руководства Петросовета, лишенного мудрых указаний вождя, их неспособности решать национальные задачи в революционном духе. На самом деле, разогнав уже избранное Учредительное собрание, большевики совершили государственный переворот и лишили Россию перспективы демократического развития еще на 74 года. Очередной шанс был упущен.

Попытки построить принципиально новую советскую демократию, даже если они поначалу были искренни, оказались совершенно несостоятельны. Тому можно указать две основные причины. Во-первых, игнорировался мировой опыт обеспечения контроля общества над властью. Напротив, велись постоянные разговоры о порочности буржуазного парламентаризма – обычная демагогия, а вот нежелание делиться властью или допустить ее сменяемость было очевидным. Во-вторых, модель социалистического планового хозяйства и советского государственного управления, основанная на административной иерархии, исключая сетевую структуру рыночных отношений, была абсолютно несовместима с реальной демократией. (И во многом напоминала сословную абсолютную монархию.)

Поэтому самое позднее к 1937 году все революционные идеалисты и романтики либо избавились от иллюзий, либо были уничтожены. Добиваться демократии стало некому. Помню «главный закон демократии» – популярную шутку советского времени – «делай, что тебе говорят».

Как мне представляется, и в этот раз шанс добиться успеха в утверждении демократии в России был невелик. Хотя первой реакцией политической элиты в феврале 1917 года были действия в пользу демократии и именно она казалась наиболее естественной и желанной заменой самодержавию, события происходили в самодержавной стране, архаичная политическая система которой быстро деградировала в упорном противостоянии необходимым переменам; в стране воюющей, выдавшей горы оружия вчерашним крестьянам, еще недавно пребывавшим в полуголодном и бесправном состоянии. В такой стране была более чем вероятно полномасштабная революция, в которой умеренный авангард сменяют все более радикальные силы, оказывающиеся во власти стихийного потока событий – до тех пор, пока энергия разрушения не будет истощена. Так и произошло. Апрельские тезисы Ленина не встретили бы столь благоприятного отклика в массах, не парализовали бы сопротивления тех, кто понимал их пагубность, если бы не десятилетия социалистической пропаганды и если бы не империалистическая война.

Следует еще раз вспомнить о своеобразном тогдашнем понимании демократии: политическая демократия, основанная на открытой политической борьбе и требующая соблюдения правил этой борьбы всеми и терпимости, была названа демократией буржуазной, а стало быть, порочной. Она и впрямь казалась по меньшей мере несвоевременной. А взамен предлагалась тоже демократия – но социальная, действующая во благо обделенных, предполагавшая прежде всего открытие для них пути наверх – «кто был ничем, то станет всем». Она победила, но вскоре обернулась тоталитарной политической системой, абсолютной монархией с генсеком вместо царя.

4. 7. Уроки истории

Попробуем сделать выводы. *Во-первых*, мы обнаруживаем, что попытки движения к демократии в истории России случались *только в моменты ослабления государства*, всегда управлявшегося деспотической самодержавной властью, в те моменты, когда интересы государства, выражаемые в категориях мощи, территориальной экспансии и распространения влияния, на время отступали перед интересами общества или отдельных его слоев. Однако государство всегда, в силу общественной традиции, вновь брало верх.

Во-вторых, первые такие попытки были, очевидно, преждевременны. Случись укрепиться на русском престоле королевичу Владиславу, все равно договор Салтыкова от 4 февраля 1610 года не был бы исполнен: даже если конституционная монархия и была бы создана в России начала XVII века, то по типу Речи Посполитой. Представить же в нашей стране того времени нечто подобное голландскому парламенту, чье появление было непосредственным следствием расцвета городской культуры, торговли и ремесел, совершенно невозможно.

Но последние попытки демократизации, имевшие место уже в начале XX века, особенно в 1905—1907 годах, были исторически гораздо более уместны, скорее их даже можно считать запоздалыми, ибо от других стран Европы в социально-политическом отношении мы уже сильно отставали.

Складывается впечатление, что по большому счету при серьезной трансформации экономики после реформ Александра II в социально-политической области существенных перемен вообще не происходило. Традиционные институты, опиравшиеся на иерархическую социальную структуру, сословную и бюрократическую, поддерживали деспотизм и бесправие.

В-третьих, основой такой устойчивости традиционных институтов были нищета, бесправие и смирение, в которых существовало крестьянство, представлявшее подавляющее большинство населения Российской империи. Прочность строя обеспечивалась политической спячкой народа-великана, большая часть которого веками жила в условиях натуральной аграрной экономики. Его покорность иногда взрывалась бунтом, но вскоре бунт снова сменялся покорностью – их череда и составляла существо российской политической жизни.

В-четвертых, для сохранения империи требовалось насилие или хотя бы постоянная угроза его применения. Николай Сухотин, генерал-губернатор Степной области, позднее член Государственного совета, в год первой революции, основываясь на данных переписи 1897 года, произвел подсчет внутренних врагов России. Число их составило 60 млн. – против 65 млн. верноподданных русских (с украинцами и белорусами) при общей численности населения империи в 125 млн. жителей (Шанин 1997: 110).

Таким образом, демократические традиции в России весьма слабы. Правы те, кто напоминает нам, что мы всегда жили в стране не с правовым строем, а со строем, основанным на отношениях господства и подчинения. Но отсюда вовсе не следует, что мы и дальше обречены жить так же.

Напротив, условия радикально переменялись. Как раз при советской власти произошло основательное преобразование социальной структуры российского общества. Индустриализация привела к урбанизации, ныне 74% населения России живет в городах. С начала 90-х годов более половины его составляют горожане во втором поколении. Революция уничтожила феодальное землевладение, а коллективизация покончила с крестьянством как классом. Основ для прежней покорности не стало, осталась лишь инерция страха. Нет необходимости и в насилии – империи больше нет. Наконец, с началом рыночных реформ рухнули и основы всей иерархической социальной структуры. Сохраняется лишь бюрократическая

вертикаль власти, противостоящая частному бизнесу в его стремлении распространять влияние своих денег.

А потому из этого исторического обзора можно делать *главный вывод: объективных препятствий для перехода России к реальной демократии больше нет*. Есть пассивность населения, успокоенного стабилизацией после десятилетия реформ и трансформационного кризиса. Есть сопротивление тех, кто не хочет утратить власть. Есть идеологи этих сил, которые по традиции запугивают нас тем, что демократия России не подходит.

Глава 5

Новая демократическая волна: еще эпизод или надолго?

5. 1. Перестройка и демократизация

Стратегический выбор Горбачева

По сути, с горбачевской перестройки в нашей истории начался *шестой демократический эпизод*. Останется ли он лишь эпизодом или же с него начнется история новой демократической России?

По меньшей мере с конца 1960-х годов тоталитарный коммунистический режим переживал явный кризис. Уже к тому времени было очевидно, что эксперимент по построению социализма в отдельно взятой стране не удался. В 1970–1980-х годах Советское государство продолжало существовать за счет высоких цен на нефть, при этом атмосфера в СССР становилась более мягкой и гуманной.

Михаил Горбачев пришел к власти с острым ощущением необходимости перемен и с пониманием того шанса, который предоставила ему история. Однако, что и как следует делать, Горбачев точно не знал. Его предшественники практиковали известный принцип «держать и не пущать», правда, не прибегая к особенно жестким мерам.

Горбачев, несомненно, желал остаться в рамках социалистической парадигмы, сохранить «преимущества» централизованного планирования и в то же время предоставить большую самостоятельность предприятиям, не допустить системного кризиса, при этом добившись повышения темпов экономического роста, которыми в прошлом так славилась советская страна. Одновременно общество было охвачено всеобщим желанием свободы и демократии: тиски тоталитарного режима, хотя они к тому времени и несколько ослабли (за политические преступления уже не расстреливали, а только ссылали), стали невыносимы. Не только интеллигенция, но и значительная часть номенклатуры шла в ногу со временем и стремилась обрести демократические ценности. Именно поэтому демократизация являлась одним из первых пунктов в повестке дня нового руководства.

Сейчас уже представляется очевидным, что многие из названных задач не имели решения: «советское» ускорение и демократия были несовместимы в рамках политического проекта, рассчитанного на быструю реализацию, вне зависимости от конкретных шагов нового генсека. Впрочем, в то время это понимали единицы.

Из записки Александра Яковлева Михаилу Горбачеву, декабрь 1985 года:

«Сегодня вопрос упирается не только в экономику – это материальная основа процесса. Гвоздь – в политической системе... Отсюда необходимость... последовательного и полного (в соответствии с конкретно-историческими возможностями на каждом этапе) демократизма.

...Демократия – это прежде всего свобода выбора. У нас же – отсутствие альтернативы, централизация... Сейчас мы в целом не понимаем сути уже идущего и исторически неизбежного перехода от времени, когда не было выбора или он был исторически невозможен, ко времени, когда без демократического выбора, в котором участвовал бы каждый человек, успешно развиваться нельзя...

О выборах. Выборы должны быть не избранием, а выбором, причем выбором лучшего. Можно ограничить число выдвигаемых кандидатов (но не менее двух).

О гласности. Всесторонняя гласность: исчерпывающая и оперативная информация – непереносимое условие дальнейшей демократизации общественной жизни.

О судебной власти. Реальная независимость судебной власти от всех других ее видов...

О правах человека. Должен быть закон о правах человека и их гарантиях, закон о неприкосновенности личности, имущества и жилища, о тайне переписки, телефонных разговоров, личной жизни. Осуществление права на демонстрации, свободу слова, совести, печати, собраний, права на свободное перемещение.

Предложения... Принять следующую принципиальную схему руководства... 1. Верховная партийная и государственная власть осуществляется Президентом СССР. Он же является Председателем Коммунистического Союза (Союза коммунистов) СССР... 2. Союз коммунистов состоит из двух партий: Социалистической и Народно-демократической... 3. Правительство возглавляется Генеральным секретарем партии, победившей на всенародных выборах» (Яковлев 2001: 372—375).

Горбачев понимал, что не все эти предложения можно немедленно реализовать на практике: отчаянное сопротивление части старой номенклатуры было легко предсказуемо. В его докладе на XXVII съезде КПСС (25 февраля – 6 марта 1986 года) была провозглашена гласность: «Нам надо сделать гласность безотказно действующей системой», – сказал с трибуны Горбачев. В начале было слово: в этот момент страна впервые шагнула в сторону демократизации.

Но прежде было время поисков и метаний – ускорение, кампания по борьбе с алкоголизмом. Затем попытка начать реформы в экономике, не затрагивая централизованного планирования и не претендуя на демократизацию политической сферы. Производственная демократия подразумевала выборы директоров и мастеров, но не представительного собрания. Частное предпринимательство возрождалось под маской якобы «ленинской кооперации». Даже акционерную собственность власти пытались трактовать как особую форму общественного имущества!

Дальше, думаю, логика развития событий заставила Горбачева задуматься о том, что без политической демократии, без альтернативных выборов, без участия масс старую систему преодолеть не удастся. Перед Горбачевым встал стратегический выбор:

1) реальная демократизация, предвещавшая серьезную политическую борьбу и неминуемо ведущая к крушению однопартийной системы и к утрате всех социалистических завоеваний. Нельзя было исключить и иных последствий, о которых тогда не задумывались: уже появилось общество «Память», поднимали голову националисты и сепаратисты;

2) откат назад, подразумевающий готовность к репрессиям ради сохранения империи и социалистической утопии или ради того, чтобы обеспечить постепенность и управляемость реформ (очевидный пример: расстрел студентов на площади Тяньаньмынь режимом Дэн Сяопина).

Горбачев сделал свой выбор в пользу первого варианта и получил за это свою долю упреков и откровенной грязи. Демократизация резко повысила вероятность распада СССР, сделала более глубоким трансформационный кризис. Одновременно она привела к необратимым изменениям: вкусившая свободу Россия уже никогда не будет такой, как до 1985 или до 1917 года.

Событием, ознаменовавшим этот поворот, был I Съезд народных депутатов СССР. Альтернативные выборы и поражение большого числа официальных кандидатов КПСС, образование Межрегиональной депутатской группы – первой со времени разгона Учредительного собрания парламентской оппозиции, поступок омского депутата А. Казанника,

уступившего Борису Ельцину свое место в Верховном совете и сорвавшего тем самым маневры реакционеров, – все это положило начало антикоммунистической революции, мощному демократическому движению, приведшему к поражению реакции в августе 1991 года. Этих дней страна не забудет никогда. Думается, настанет то время, когда Горбачеву поставят памятник как отцу-основателю российской демократии, как и другим выдающимся деятелям этой революционной эпохи – Ельцину, Александру Яковлеву, Гайдари, Чубайсу.

Через пропасть в три прыжка

Я полагаю, что в начале 1980-х годов страна оказалась перед пропастью слишком широкой, чтобы преодолеть ее одним прыжком, и поэтому понадобилось спускаться на дно ущелья, – и это сделал Горбачев. Возглавивший радикальное крыло правящей номенклатуры Яковлев играл роль русского Мэдисона, фигуры непубличной, но очень важной. Именно эта политическая группа подталкивала Горбачева к тем стратегическим шагам, совершение которых требовало настоящего мужества, даже если это было мужество неведения.

Далее требовалось пройти по зловонному дну пропасти, заложить основные механизмы развития новой демократической России и запустить рыночную экономику. Это сделал Ельцин, имевший смелость выбрать в качестве опоры молодых реформаторов – Гайдара и Чубайса. Подобно Горбачеву и Яковлеву, эти люди не могли рассчитывать на признательность современников. Но свою работу они тоже сделали.

Путину досталась задача поднять страну из пропасти, которой нельзя было миновать, и вскарабкаться вверх по обрыву. Сейчас уже очевидно, что ему вряд ли это удастся, а следовательно, карабкаться снова придется другим. О том, выбрались ли мы из пропасти или снова оказались в ней, можно будет судить не по удвоению внутреннего валового продукта и не по сокращению бедности до показателей 1990 года, а как раз по тому, сохранились ли и упрочились ли демократические завоевания, вкус которых живущие ныне поколения россиян ощутили в годы горбачевской перестройки.

Протодемократия

Надо, конечно, понимать, что та демократия не была настоящей демократией в том смысле, в каком о ней написано в главах 1–3. Имело место широкое демократическое движение, во главе которого вначале стояла либерально настроенная часть правящей номенклатуры, поддержанная интеллектуальной элитой, стремившейся избавить страну от коммунизма. Следом на первый план, как часто случается при революционных изменениях, вышли более радикально настроенные слои, призывавшие к активным действиям народные массы. Ельцина напрасно упрекают в том, что он начал свою политическую деятельность с борьбы против привилегий. Именно этот лозунг имел все шансы найти отклик у широких масс, чего нельзя сказать о либерализации цен или приватизации.

Созданные при Горбачеве политические институты – Съезд народных депутатов по образцу Съездов советов первой поры советской власти, Верховный совет, система выборов с квотами для различных общественных организаций, пост Президента-генсека – суть переходные формы, рассчитанные в большей степени на обеспечение плавного спуска, на преодоление сопротивления ортодоксов, чем на постоянное функционирование. Для Съезда и Верховного совета был характерен *неразрешимый конфликт* между «агрессивно послушным большинством» и меньшинством, которое все более активно поддерживали массы; конфликт, который могла разрешить только революция, ибо речь шла об отстранении от власти всей коммунистическо-бюрократической иерархии. Вместе с тем перспектива возвращения этих людей к власти казалась туманной, как не существовало и институтов, придающих устойчивость демократической системе. В. Крючков, фактически возглавивший путч 1991

года, вряд ли мог предположить, что после поражения его вскоре амнистируют по решению Верховного совета и с санкции все того же Казанника, теперь занимавшего пост Генерального прокурора. Сам Крючков, думаю, не простил бы своих противников.

Наличие подобного конфликта принципиально важно для понимания того, почему власти не удавалось запустить механизмы политической конкуренции, благодаря которой в демократической системе возникает равновесие, создающее основу для соглашений между партиями. Конфликты такого рода разрешаются лишь в ходе революции.

Не существовало и хорошо организованных политических партий. Не случайно «Демократическая Россия», способная в 1990—1991 годах собирать миллионные демонстрации и митинги, рассыпалась вскоре после поражения ГКЧП и начала рыночных реформ: исчез противник, исчезли и поводы для мобилизации масс. А ничего иного «Демократическая Россия» делать не умела.

Да, существовали свобода слова, свобода собраний, свобода ассоциаций, т. е. многие неотъемлемые признаки демократии, однако не появились еще устоявшиеся институты, отсутствовала привычка к демократии, не было опыта использования гражданами своих прав и свобод. Такая протодемократия по природе своей способна свергать тоталитарные режимы, однако способность к созиданию ей не свойственна, особенно если протодемократия сталкивается с болезненными реформами или спонтанными кризисами, неизбежными в процессе трансформации. Кроме того, протодемократический режим в стране, никогда не имевшей собственной демократической традиции, где граждане скорее склонны к покорности, бунту и воровству, нежели к отстаиванию своих прав и самоорганизации, обречен на полную или частичную неудачу.

Расставание с иллюзиями: Татьяна Заславская о I Съезде народных депутатов:

«Иллюзии начали рушиться на первом съезде, напоминавшем „табор“, раскинувшийся на четыре тысячи лет. Крики, шум, демонстрация себя, полное нежелание и неумение слышать других. А голос каждый имеет один, сам по себе ты просто незначим, да и всех „демократов“ было около ¼. Ни одно более или менее здравое решение не проходило. Несмотря на полное отсутствие средств и ускоряющийся спад производства, предлагались дорогостоящие социальные программы, рассчитанные на массовую поддержку. Даже частичная их реализация резко ускорила бы инфляцию и в конечном счете – ухудшила бы положение населения. Неквалифицированные Съезд, Верховный Совет, правительство не смогли противостоять популизму, что имело катастрофические последствия...»

Наверное, в стране, где никогда не было демократии, ее возникновение требует времени. Помните, как была шокирована интеллигенция, когда М. С. Горбачев употребил выражение „так называемые демократы“. Я тоже почувствовала себя оскорбленной. А в скором времени и сама стала так говорить, ибо столько оказалось „примазавшихся“ к демократии...» (Заславская 2002: 89—90).

По меньшей мере до 1993 года, т. е. до принятия новой Конституции, в России имела место протодемократия, пока продолжалась антитоталитарная революция.

Революция

Исследование процессов трансформации российской экономики и общества необходимо включает в себя анализ революции 1989—1993 годов.

И. Стародубровская и В. Мау, разбирая само понятие революции как социального феномена, приходят к выводу, что, вопреки распространенному мнению, определяющим моментом революции является не насилие, но *стихийность* развития, *неуправляемость* политического процесса и *слабость* государства. Результаты революции обычно выходят за

рамки намерений и интересов любой из участвующих в ней сил. Именно в революционные эпохи действуют мощные и в то же самое время *слабо управляемые* социальные механизмы. Можно определить некие переломные точки, развилки, когда подобные процессы оказываются по сути своей разнонаправленными (Стародубровская, Мау 2001: 313).

Слабость государства во время революции выражается в том, что власти оказываются не в состоянии, во-первых, ее предупредить (например, посредством своевременных реформ), а во-вторых, контролировать темпы и направленность самих перемен. Революция воспринимается населением прежде всего как утрата порядка, анархия. Вину за это обычно возлагают на тех или иных лидеров, но их в период революции чаще всего поднимает и уносит стихийной волной. Лишь немногим удается оседлать поток событий, точнее, угадать его направление, подняться вместе с ним на поверхность и иногда даже найти способ воздействовать на стихию.

Слабость государства проявляется: 1) в неспособности собирать налоги и, как следствие, перманентном финансовом кризисе; 2) в постоянных колебаниях проводимого курса, вынуждаемых давлением различных социально-политических сил и стремлением власти реагировать на это давление, маневрировать в целях самосохранения; 3) в наличии множества центров власти – двоевластия, сепаратизме или самовластии регионов; 4) в отсутствии общепризнанных правил игры. Стихийность делает невозможной демократию в описанном выше смысле: никто не знает, как будут действовать его оппоненты, каждый старается выиграть любой ценой, не стесняясь в средствах и не рассчитывая на сдержанность других. Известны слова Робеспьера: «Революция – это война между свободой и ее врагами; конституция – это режим уже достигнутой победы... Закон, таким образом, – это результат революции, а не та норма, с которой считаются во время революции. Революционное правление опирается в своих действиях на священнейший закон общественного спасения и на самое бесспорное из всех оснований – необходимость» (читай – революционную целесообразность) (Там же, 396).

Относительно того, имели ли мы дело в данном случае с революционными процессами или же другим типом смены власти, высказываются разные суждения. Например, Л. Шевцова считает, что следует говорить лишь о «системно ограниченной революционности», поскольку власть тогда осталась в рамках «традиционно русской парадигмы моносубъектности» (Шевцова 2002: 126—127), т. е. основанной на все той же общей вере в необходимость одного всевластного лидера.

Т. Заславская убеждена в ином: «Мой общий вывод заключается в том, что новой социальной революции в России не было.

В действительности имела место эволюция, в основе которой лежало, однако, не постепенное и последовательное развитие, а цепочка сменявших друг друга кризисов. Исходный подъем демократических движений, соединившихся с национально-освободительными, завершился распадом СССР. Радикальные либерально-демократические реформы фактически вылились в ограбление общества горсткой в общем случайных людей. Начавшаяся затем спонтанная трансформация в условиях отсутствия у правящей элиты стратегии и политической воли имела следствием... крайнее ослабление государства и тотальную криминализацию общества» (Заславская 2002: 189).

Получается, что если бы не было распада СССР – и/или «ограбления общества случайными людьми» – и/или у правящей элиты была бы стратегия и политическая воля – и/или не существовало бы ослабления государства и тотальной криминализации, то тогда мы могли бы говорить о социальной революции? Добавим условие Л. Шевцовой: и/или установился бы нормальный демократический режим с разделением властей и политической конкуренцией. Короче говоря, если бы политические перемены происходили красиво и «интеллигентно», тогда это была бы революция?

Возникает вопрос: а где в мире вы видели революции подобного рода: без ослабления государства, без криминализации, без нуворишей, с продуманным планом действий, с быстро развивавшейся демократией? По-моему, все перечисленные социальные «гадости» как раз и есть настоящие признаки революции. Нормальная же демократия появляется только в том случае, если в обществе устанавливается равновесие сил, на основе которого становится возможным социальный консенсус. Равновесие сил – не признак революции, но итог развития, где революция составляет эпизод, или ряд эпизодов, или даже исходный пункт для нахождения точки равновесия новых сил.

Я бы добавил к названным двум признакам революции – стихийность и слабость государства – еще один: решение качественных проблем развития страны. Л. Шевцова говорит о смене правил игры: в случае Английской и Французской революций – о преодолении феодализма; русской начала XX века – о решении крестьянского вопроса, вопроса о земле; революционных событий 1989—1993 годов – об избавлении от тоталитаризма, переходе к рыночной экономике, распаде империи и возникновении национального государства.

Стихийность и слабость государства в период революции делают возможной лишь протодемократию, имеющую в глазах современников ту прелесть, что граждане какое-то время пользуются большими свободами, чем даже при зрелой демократии. Однако подобное положение долго сохраняться не может: вместе с революцией умирает и протодемократия.

Для революции характерны волны радикализации и стабилизации. На первом этапе главную роль играют умеренные лидеры, их сменяют радикалы, а затем наступает этап стабилизации, когда радикалы оттесняются от власти и ее захватывают силы порядка. Так было во время Английской и Французской революций, в Смутное время, в 1905 и в 1917 годах в России. Всякий раз эти волны отражают смену общественных настроений.

Стоит отметить, что и в 1989—1993 годах в России наблюдались подобные явления. Массовые движения захватывали главным образом Москву, Петербург и некоторые другие крупные города, тогда как страна в целом вряд ли понимала, что происходит, а распространенные в большей ее части социальные институты и стереотипы поведения практически не менялись. Именно в этом кроется объяснение последующей консервативной реакции, особенно если учесть, что революция проходила мирно, случаи насилия, по счастью, были лишь случаями. Тогда о революции никто не говорил. Напротив, считалось, что еще одной революции страна не перенесет.

И тем не менее это была революция.

5. 2. Реформы или демократия

Рыночные реформы

Страны, где на смену плановой экономике пришла экономика рыночная и произошел переход от социализма советского типа к капитализму, столкнулись с необходимостью решать одновременно две задачи: проводить рыночные реформы в экономике и строить демократическое государство. Мы видели выше, что рыночная экономика и демократия органически взаимосвязаны, нуждаются друг в друге. Вместе с тем в момент зарождения демократии на руинах тоталитарной системы более ощутимы не взаимообусловленность, а как раз противоречия между экономическими и политическими процессами. Любая демократия учитывает мнение избирателей, а рыночные реформы – вещь чрезвычайно болезненная, неизбежно ведущая к социальному кризису, падению производства и уровня жизни. Убедить людей в том, что тяжелый кризис и ломка социальной структуры необходимы ради светлого будущего, невозможно. Наверняка возникнет вполне справедливое недоволь-

ство. Если в пореформенное время провести референдум относительно целесообразности экономических изменений, то подавляющее большинство избирателей выскажется против реформаторов. Это факт, подтвержденный опытом многих странах, переживших переходный период реформ.

Напомню хронологию рыночных реформ в России.

Горбачевский этап

1987 год: июньский Пленум ЦК КПСС принимает решение о «радикальной реформе» управления экономикой. В июле по докладу Николая Рыжкова Верховный Совет СССР принимает базовый для реформы Закон о государственном предприятии (объединении). Самостоятельность предприятий растет, однако немногим выше, чем в косыгинскую реформу 1965 года. Эффект отрицательный.

1988 год: принимается Закон о кооперации, который становится первым реальным шагом реформ, возродившим частное предпринимательство. Уже через год кооперация, разрушающая государственный сектор, вызывает контрнаступление реакции. Позднее принимаются законы об аренде, включая аренду с выкупом, которые знаменуют начало номенклатурной приватизации.

Август–сентябрь 1990 года: программа перехода к рыночной экономике («500 дней»), разработанная рабочей группой Горбачева–Ельцина, отвергается Верховным Советом СССР по настоянию будущих членов ГКЧП.

Ельцинский этап

1991 год: путч ГКЧП, распад СССР. В октябре Ельцин получает чрезвычайные полномочия. 6 ноября – указ о формировании нового правительства во главе с Ельциным, в котором пост вице-премьера, ответственного за реформу, получает Е. Гайдар.

1992 год: со 2 января – либерализация цен. Открытие экономики, отмена монополии внешней торговли. Летом вводится свободный курс рубля. Принимается программа массовой приватизации.

1992 – лето 1994 года: реализация программы массовой приватизации. Около двух третей активов государственного сектора в производственной сфере переходит в негосударственную собственность.

1994—1995 годы: с третьей попытки достигается финансовая стабилизация. Прекращается (осень 1994 года) эмиссионное финансирование бюджетного дефицита. В 1995 году федеральный бюджет исполняется почти на 100%, дефицит покрывается в основном из неинфляционных источников, включая займы (ГКО) и доходы от приватизации (кредиты под залоговые аукционы составили 1 млрд. долларов). Инфляция снижается с 930% в 1993 году до 131% в 1995-м и до 11% в 1997-м. Резкое ужесточение бюджетных ограничений для предприятий.

Результаты. Преобладающее мнение – реформы провалились, поскольку к 1998 году внутренний валовой продукт сократился на 40% против 1990 года, промышленное производство – на 55%, реальные доходы населения (уровень жизни) – на 30—35%, инвестиции в основной капитал – на три четверти. Провал – при условии, что целью реформ был немедленный рост производства и благосостояния, а не создание принципиально новых институтов, таких, как частная собственность, свободные цены, открытая экономика. Если считать, что именно последние были задачами реформ и что вследствие их разрешения должно было радикально измениться поведение экономических агентов, то оценка меняется на прямо противоположную: это успех, который стал особенно очевиден в 1999—2003 годах.

Два примера.

1. *Победа над дефицитом.* Товарный дефицит, родовый порок социализма, был преодолен в кратчайшие сроки. Об этом знают все граждане России, пережившие эти события в сознательном возрасте. Приведу только одну иллюстрацию, основанную на данных «Российского экономического барометра».

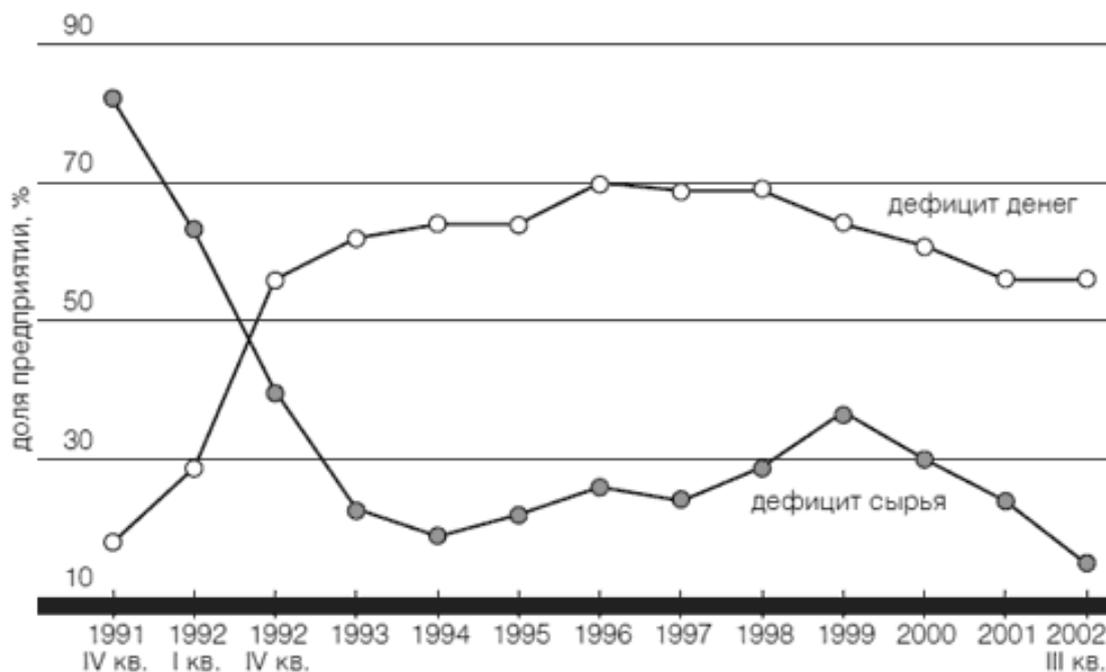
В таблице 5. 1 приведены данные социологических опросов с 1991 по 2002 год о доле промышленных предприятий, испытывавших ограничения производства из-за дефицита сырья и материалов или из-за недостатка спроса и финансовых ресурсов.

Таблица 5. 1. Доля предприятий, руководители которых ответили при опросах, что их производство было ограничено недостатком сырья и материалов, финансовых ресурсов, спроса, 1991—2002, %.

	Ограничения		
	сырья и материалов	финансовых ресурсов	спроса
1991, IV квартал	82	18	4
1992, I квартал	63	29	36
1992, IV квартал	40	56	48
1993	23	62	41
1994	19	64	48
1995	22	64	47
1996	26	70	58
1997	24	69	54
1998	29	69	54
1999	37	64	37
2000	30	61	39
2001	24	56	48
2002, III квартал	15	56	55

Источник: Российский экономический барометр. 2002. Т. XI. № 4. С. 62—63.

Рисунок 5. 1. Дефицит сырья и денег как факторы ограничения производства 90.

Комментарии излишни: дефицит сырья перестал быть лимитирующим фактором за 2 года.

2. *Смена инвестиционного режима*: от больших капиталовложений с падающей отдачей – к высокой отдаче от небольших вложений. См. таблицу 5. 2.

Таблица 5. 2. Изменение инвестиционного режима вследствие рыночных реформ.

	1985–1990*	1999–2003
Среднегодовая доля инвестиций в основной капитал в ВВП, %	24,1	15,9
Среднегодовой темп прироста, %:		
– инвестиций в основной капитал	4,75	9,6
– ВВП	2,75	6,4
Прирост ВВП на 1% прироста инвестиций в среднем за период	0,51	0,67

* За 1985—1990 годы вместо показателя внутреннего валового продукта использован показатель валового национального продукта, вместо данных об инвестициях в основной капитал – данные об объеме капиталовложений.

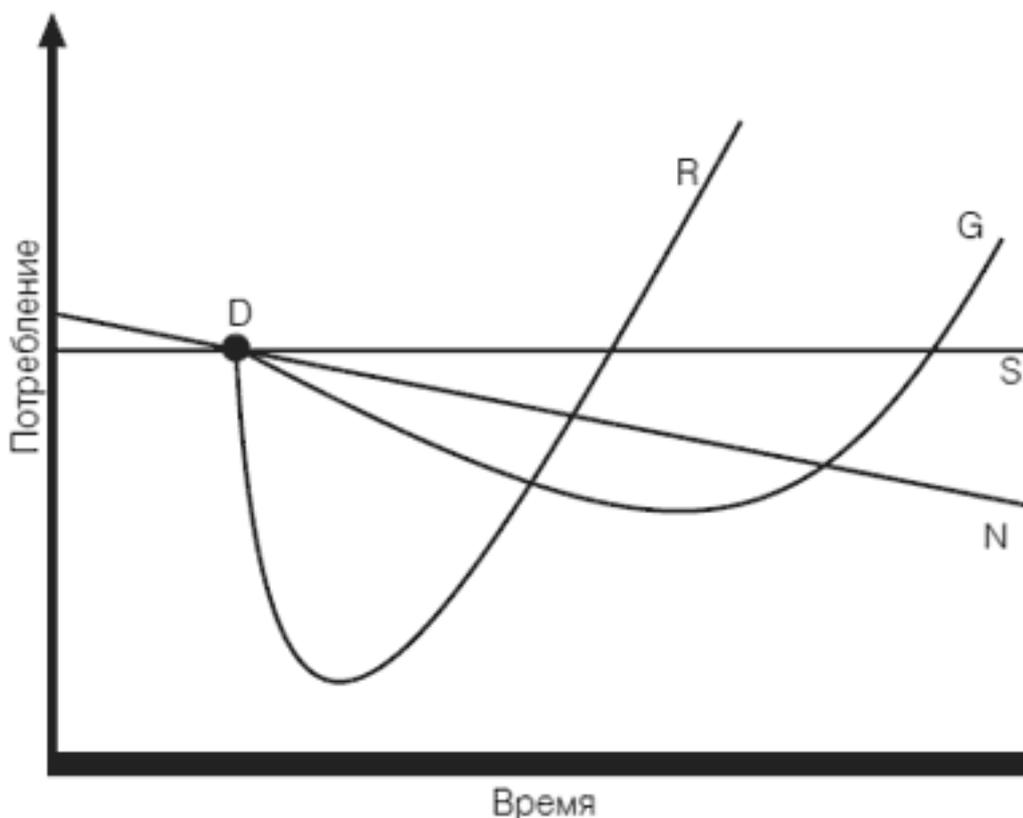
Можно предположить, что показатели 1999—2003 годов лучше исключительно потому, что на них влияет повышение загрузки наличных мощностей, считающееся одним из главных факторов роста производства в этот период. Но анализ показывает, что это верно лишь отчасти: загрузка мощностей в 1998—2003 годах выросла максимум на 20—25%, а производство – на 44, 6% (данные РЭБ и Министерства экономического развития и торговли). Доля фондов, введенных до 1991 года, составила всего 13—16% в общем объеме «эффективного капитала», тогда как в балансовой стоимости основных фондов они составляли около 70% (Воскобойников 2003: 23). Верно то, что в первые годы подъема предприятия инвестировали средства прежде всего в расшивку узких мест и в обновление оборудования, минимально необходимое для выпуска торгуемой продукции. При этом эффективность

инвестиций оказалась очень высока, далее она, скорее всего, будет снижаться. Перелом в поведении предприятий очевиден: он касается одного из ключевых участков развития советской экономики – ее больного места, непреодолимого порока.

Впрочем, простому человеку эти достижения мало что говорят. Он почувствует их позитивные последствия лишь через некоторое время. При этом голосует он с оглядкой на ближайшие, крайне непривлекательные результаты реформ. Отсюда проистекает и конфликт между рыночными реформами, действительно тягостными в отсталой и изуродованной коммунистическим строительством стране, и демократией.

А. Пшеворский приводит график (см. рис. 5. 2), иллюстрирующий экономическую ситуацию в период рыночных реформ. Я несколько усложнил его, введя кривую N, которая показывает неизбежное падение уровня жизни в случае, если реформы проведены не будут. Население в своей оценке стратегий реформ, разумеется, этого не учитывает. Оно будет сравнивать итоги реформ с потреблением в момент их начала (горизонтальная линия S – статус-кво) или даже ранее, с кривой N левее точки D, отражающей момент начала реформ, обычно определяемый либерализацией цен.

Рисунок 5. 2. Две стратегии рыночных реформ.

Источник: Пшеворский 1999: 253.

В 1990 году Билл Нордхауз на Международном семинаре экономистов в венгерском городе Шопроне назвал этот момент «D-day» и посоветовал с этого дня организовать на российском спутниковом телевидении передачу Playboy-channel (Ясин 2003: 149—150). И в 1992 году в России действительно показывали сериалы «Рабыня Изаура» и «Богатые тоже плачут», стараясь отвлечь народ от невыносимых будней.

Стратегия R – радикальная, «шоковая терапия», с одной стороны, приводит к быстрому и более глубокому спаду, но одновременно и к скорейшему восстановлению. Стратегия G – постепенная, растягивает время спада, но и заметно отсрочивает момент восстановления. Площади между кривыми R и G и линией S предполагаются равными, это означает равенство кумулятивных потерь населения при разных стратегиях. По отношению же к кривой N при стратегии R потери будут явно меньше, однако – по причинам, о которых я писал выше, – люди вряд ли обратят внимание на позитивность этого фактора.

Противостояние

Пшеворский анализирует выбор стратегии тремя группами лиц – технократами-реформаторами, политиками на выборных постах и населением. Очевидно, население никогда не выберет R. Оно предпочтет статус-кво – хотя в перспективе это самая невыгодная стратегия, в крайнем случае – умеренную стратегию G. Население может доверять харизматическим политикам, которые призывают к R, однако лишит их доверия, как только выяснится, что их обещания не выполняются и быстрые улучшения не наступают. Так, например, было в Польше («лошадиная терапия» Балцеровича, как ее называют поляки), Бразилии (план Коллора), Аргентине (при Менеме), Перу (Фухимори).

Технократам нужны результаты, описываемые в терминах снижения инфляции, устранения дефицита и повышения эффективности инвестиций, при этом социальные издержки их волнуют в меньшей степени: они обычно склонны выбирать R.

Политики находятся в противоречивой ситуации. С одной стороны, они понимают неизбежность реформ, с другой – отдают себе отчет в том, что народ будет безусловно против изменений и не согласится на большие потери, платить за которые придется именно им, политикам, – своим рейтингом, а то и постами. Однако в случае нереализации реформ популярность все равно будет потеряна. Главное для политиков – степень уверенности в том, что кривая роста поднимется до следующих выборов.

Если система, в которой проходят реформы, по характеру своему демократична, политики могут рассчитывать на то, что, уступив оппонентам на ближайших выборах, они смогут вернуться к власти позднее. Так случилось в уже упомянутой Польше. Если же соблюдение демократических правил политической конкуренции еще не стало нормой, а вероятность того, что, проиграв ближайшие выборы, партия реформ к власти вернуться уже не сможет, весьма высока, то реформисты должны будут выбрать постепенные реформы с сопутствующими издержками для населения и для себя или пойти на нарушение норм демократии (Фухимори). В течение некоторого времени можно маневрировать, скрывая от общества истинные реформаторские намерения, как поступил президент Менем в Аргентине на выборах в 1989 году. В Бразилии в 1990 году все члены конгресса, включая лидера партии большинства будущего президента Кардозо, узнали о плане реформ из газет. Случалось, что партия, выступающая за радикальные реформы, проигрывала выборы, однако победитель, ее умеренный конкурент, оказывался вынужден проводить политику, против которой выступал. Таков пример Венгрии, где в 1990 году радикальные реформаторы из партии SZDSZ проиграли умеренной MDF, при этом последняя была вынуждена проводить их политику (Пшеворский 1999: 256—257). В России премьер Примаков, не раз прежде критиковавший монетаристов, проводил едва ли не самую жесткую монетаристскую политику.

Но бывает и так, что основные партии или стороны в самый острый период реформ и в условиях протодемократии находятся в жестком неразрешимом конфликте: никто не надеется на демократические процедуры, каждый готов любыми средствами отстаивать свою правду. Это революционная ситуация, в которой протодемократия уже помочь ничем не может: такой конфликт разрешается только силовым путем. Так, в Испании накануне гражд-

данской войны, на выборах 1935 года, как левые, так и правые заявляли, что согласятся с результатами выборов только в том случае, если они победят. В итоге победил Франко.

В России обстановка складывалась следующим образом. В октябре 1991 года президент Ельцин в общих чертах изложил план реформ и обещал, что осенью 1992 года период трудностей закончится. С января реформы стали осуществляться при быстро растущей инфляции, сокращении бюджетных расходов, падении производства и реальных доходов. Вскоре парламент, прислушиваясь к голосам промышленников и населения, занял позицию сопротивления радикальному варианту Гайдара, настаивая на переходе к умеренному варианту. Осенью Р. Хасбулатов поднял на щит предложения академических экономистов Абалкина, Шаталина и других, в поддержку которых выступал и Г. Явлинский. До этого В. Геращенко, став председателем Центробанка, произвел зачет взаимных требований неплательщиков, и инфляция прорвала все преграды. В результате в декабре 1992 года Гайдар ушел в отставку, тем самым произошел переход к умеренному варианту реформ.

Тогда, по собственным словам Гайдара, его отставка была платой за согласие Съезда народных депутатов провести весной 1993 года референдум по новой Конституции, с вынесением на него альтернативных проектов, предложенных президентом и Верховным Советом. Мы знаем, что референдум имел иное содержание, а страна в итоге пришла к октябрьским событиям 1993 года. Отставка Гайдара не улучшила ситуацию: высокая инфляция требовала противодействия. Если реформы начались, то именно они навязывают власти логику развития. Недовольство людей, критика оппозиционных партий могут повлиять только на снижение темпа реформ и усиление хаотичности политики. В 1993 году стало ясно, что переход к умеренному варианту реформ не спасет от потерь и болезненных последствий. В правительство вернули Гайдара, который вместе с Борисом Федоровым настоял на 30%-ном секвестре бюджета. Жесткая антиинфляционная политика вызвала новую волну падения производства, роста неплатежей и тяжелые политические последствия.

В апреле 1993 года прошел референдум – знаменитые «да-да-нет-да». Большинство поддержало Ельцина, парламент на какое-то время ушел в тень. Впрочем, скоро он снова перешел в наступление, легко пересматривая положения еще советской Конституции. Ельцин шаг за шагом терял полномочия. Его сторонники, в том числе реформаторы, настаивали на том, чтобы для укрепления своих позиций он использовал результаты референдума. В конце концов после долгих раздумий, Ельцин 21 сентября подписал исторический указ № 1400, предусматривавший роспуск парламента, назначение новых выборов и референдума по новой Конституции.

Тем самым старая Конституция, плохая или хорошая, была нарушена. Ельцин сделал стратегический выбор: он *принес в жертву реформам нормы демократии*. Бессмысленно отрицать это. Пусть по необходимости, ради высоких целей, но уже в новой демократической России *был создан прецедент* нарушения Основного закона исполнительной властью в ущерб власти законодательной.

Прецедент привел к октябрьскому противостоянию, штурму Останкино, стрельбе танков по Белому дому, человеческим жертвам – событиям, до сих пор тревожащим покой и совесть россиян.

Следует осознать всю степень неразрешимости конфликта между либеральными реформами и силами старого коммунистического порядка, которые провели мобилизацию и вместе с умеренными группами, использовавшими и демократические лозунги, установили контроль над парламентом. Конфликт вылился в противостояние президента и парламента. Несмотря на итоги референдума, парламент имел возможность победить, постоянно меняя советскую Конституцию и отнимая полномочия у президента. Можно сказать, что в этом случае победила бы не демократия, так как у нее тогда не было стабильной социально-экономической базы – ни частной собственности, ни свободной рыночной экономики, а лишь

недолговечная по своей природе *протодемократия*. Иначе надо было действовать в соответствии с законами революции, применять силу, идти на нарушение Конституции, т. е. на государственный переворот.

Я тогда поддерживал Ельцина и сейчас глубоко убежден в том, что он поступил правильно. Он еще раз взял на себя огромную ответственность, вызвав многолетние поношения. Но в глазах многих, и моих в том числе, он оказался на высоте задач той эпохи. В сущности, в этот момент и был подведен итог демократической антикоммунистической революции в России. Начался период стабилизации.

Рубец на теле новой демократической России остался, развитию демократии, несомненно, был нанесен удар, последствия которого могли сказаться (и сказываются) в будущем. Эксперты отмечают, что в тот период внимание уделялось исключительно экономическим реформам. Политические преобразования, прежде всего, по выражению Л. Шевцовой, ликвидация традиционной российской монособъектности власти, не состоялись.

Начало управляемой демократии

Период стабилизации в России начался с неудач. Казалось, власть сделала все, чтобы убедить граждан в своей верности демократическим ценностям и замолить грехи октябрьских событий. Была принята новая, весьма либеральная Конституция, отвечавшая отчасти на вчерашние угрозы, которые вряд ли когда-либо могли возникнуть вновь: отсюда расширенные полномочия президента и усложнение процедур пересмотра Конституции. В кратчайшие сроки были проведены свободные выборы, на которых ожидалась внушительная победа демократических сил. Однако именно здесь и случился очередной конфуз: победу одержал В. Жириновский, что дало повод Ю. Карякину произнести ставшие знаменитыми слова: «Россия, ты одурела». В действительности же это был тот самый народ, который в 1990—1991 годах голосовал за Ельцина. Однако теперь народ уже понял, что такое радикальные рыночные реформы, и выразил свое отношение к ним. Населению хотелось увидеть новую политику, новые лица, которые могли бы совершить чудо, ожидавшееся и три года назад.

На результатах выборов, несомненно, сказались следствия ужесточения денежной и бюджетной политики. В начале 1994 года темпы экономического спада достигли максимальных значений: Гайдар и Федоров ушли в отставку. В полной мере восторжествовала умеренность: для смягчения напряжения в обществе стали печатать деньги. В результате 11 октября 1994 года наступил «черный вторник», курс рубля упал, а инфляция вновь рванула вверх, был сделан еще один шаг к обнищанию.

Одновременно росли частные состояния – на экспортно-импортных операциях, используя разрыв между внутренними и мировыми ценами; на дешевых кредитах Центробанка; на бюджетных ассигнованиях под посевные кампании и северный завоз, в меньшей степени на приватизации: так как акции приватизированных предприятий стоили дешево и не приносили дохода, их можно было скупать только впрок. Нефть, металл, удобрения, разумеется, порождали реальные финансовые потоки, над которыми надлежало установить контроль. Процесс первоначального накопления капитала сопровождался воровством, активизацией организованной преступности и коррупцией.

При этом действовали все формальные демократические институты. Соблюдалась свобода слова и информации. Выборы проходили в относительно свободном режиме, административный ресурс действовал еще слишком слабо. К. Илюмжинову удалось создать посреди демократической России средневековое ханство со Степным уложением вместо нормальной конституции. Д. Дудаев стремился к отделению Чечни. Национальный фонд спорта, получив льготы, беспощадно ввозил в Россию спиртные напитки и сигареты, активно делясь своими доходами с чиновниками. В Государственной думе шли оживленные дискуссии, депу-

таты и фракции торговали своими голосами. Президент проводил в Сочи теннисные турниры «Большая шляпа», собирая весь истеблишмент новой России. Реформы, ради которых стреляли по Белому дому, фактически остановились.

Так неприглядно выглядела новая демократическая Россия в 1995 году. Разве этого ждали люди от демократии? Они все больше демонстрировали разочарование: именно в тот момент и появилось слово «дерьмократ». Демократам, а точнее – сторонникам рыночных реформ все больше грозила судьба коммунистов.

Как выглядит демократия вблизи.

«Повседневная жизнь демократии – зрелище, не вызывающее благоговейного трепета: бесконечные препирательства, мелочные амбиции, риторика, призванная что-то затушевать или ввести кого-то в заблуждение, сомнительные связи власти и денег, законы, даже не претендующие на справедливость, политика, закрепляющая привилегии. Особенно мучительно все это переживают люди, которые идеализировали демократию в борьбе с авторитарным гнетом, для которых демократия была потерянным раем. Когда рай претворяется в повседневную жизнь, наступает разочарование. Так возникает искушение одним махом поправить дело: прекратить пререкания, заменить политику администрированием, анархию – дисциплиной, действовать рационально – это искушение авторитаризма» (Пшевцовский 1999: 137).

Пока власть решает задачи постреволюционной стабилизации, постоянно присутствует угроза установления авторитарного режима. У власти всегда есть поводы и соблазны применить методы, не вписывающиеся в нормы демократии, особенно если они не были усвоены и освящены институциональной практикой. В период революции с нормами демократии мало кто считается.

Осенью 1994 года опять заявила о себе экономика, вновь вынудив правительство начать борьбу с инфляцией и прекратить уступки различным группам давления. В итоге в 1995 году, впервые с 1986 года, федеральный бюджет был исполнен почти на 100%. Правда, при этом пришлось пережить и казначейские обязательства (КО), и казначейские налоговые освобождения (КНО), другие денежные суррогаты и, наконец, раскручивание пирамиды ГКО, операцию «кредиты в обмен на акции», закончившуюся в 1997 году залоговыми аукционами. Все это дало дополнительные возможности для наживы, коррупции и воровства. Именно этой дорогой ценой инфляция с третьей попытки была преодолена, а финансовая стабилизация достигнута.

Однако, как и в 1993 году, политические последствия не замедлили сказаться уже на парламентских выборах осени 1995 года. На этот раз большинство голосов набрали коммунисты. «Демократический выбор России» (ДВР) – партия Гайдара – не получил даже 5% голосов и, как следствие, не прошел в Думу.

«Будущий президент» Геннадий Зюганов на Давосском форуме в январе 1996 года.

В конце января 1996 года я был самым высокопоставленным представителем правительства России на Давосском форуме. Чубайс там тоже был, но после отставки, в которую его отправил Б. Ельцин со словами, ставшими знаменитыми: «Во всем виноват Чубайс». На аэродроме в Цюрихе нас, как водится, встречал посол. Меня с извинениями посадили в автобус с другими членами делегации, а автомобиль посла, как выяснилось, предоставили Г. А. Зюганову. Он был победителем, главным героем Давоса-96. Не только российские дипломаты, но и западные бизнесмены и политики воспринимали его как наиболее вероятного победителя и в президентской гонке, которая уже началась. В. Гусинский устроил в его честь ужин, на котором присутствовала вся мировая элита. Один из деятелей Республиканской партии США (у власти тогда были демократы) лебезил перед Зюгановым, обещая золотые горы после того, как на выборах победят республиканцы. Геннадий Андреевич сказал ему:

вы нам помогайте, давайте денег. *«У нас с вами одна задача – победить демократов»*. Он тогда мог позволить себе быть остроумным.

Тогда же на моих глазах в баре «Сан-Стар-Парк-Отель» Б. Березовский и А. Чубайс начали переговоры о создании коалиции олигархов и реформаторов для поддержки на выборах президента Ельцина, которая и привела его к победе.

В то время рейтинг Ельцина опустился до 2%. Победа Зюганова казалась неотвратимой.

Снова берем три группы игроков: население – коммунисты (партия ностальгии) – «демократы» (коалиция «Ельцин-реформаторы-бизнес»). *Население* на парламентских выборах выразило протест против власти «дерьмократов». Однако, как только народ осознал, что протестное голосование может привести к власти коммунистов, я полагаю, многие всерьез задумались. На президентских выборах Зюганов получил бы существенно меньше голосов, чем КПРФ на выборах думских, – независимо от хода избирательной кампании. В подобной ситуации шанс получили третьи лица: об этом говорят голоса, поданные в поддержку генерала Лебеда в первом туре выборов. Но это мое мнение, основанное на элементарных логических рассуждениях. Как это оказалось бы на деле, не знает никто.

КПРФ, несмотря на очевидные успехи, развить их не смогла. Партия располагала меньшими финансовыми ресурсами, нежели проводивший приватизацию Ельцин. Административным ресурсом коммунисты также не обладали, к тому же он тогда и не играл особенной роли. Оппоненты КПРФ опасались, что если Зюганову удастся набрать еще 5–6% голосов, то произойдет реставрация старого режима: получив власть, коммунисты, как и в прошлый раз, отвернутся от демократии, что приведет к отмене следующих выборов. Опасность, быть может, переоценивалась, но риск был действительно велик.

У коалиции, условно говоря, *демократов*, а точнее, правившей тогда элиты, было три варианта действий:

1) *согласиться с любыми результатами* выборов в надежде на то, что коммунисты, придя к власти, будут соблюдать нормы демократии. Вероятность такого исхода оценивалась весьма низко;

2) *отменить выборы* и распустить парламент, тем самым во второй раз за два года осуществив государственный переворот. При этом революция в России уже закончилась, Конституцию готовили сами демократы и потому реакция общества могла быть еще более отрицательной: подобные действия объяснялись бы желанием удержать власть вопреки мнению большинства избирателей. Этот вариант предлагался группой Коржакова–Барсукова–Сосковца;

3) *организовать кампанию Ельцина с применением самых современных политтехнологий*, использовать все средства внушения избирателям «правильных» идей, дабы они проголосовали как следует – «сердцем», потратить сколько угодно денег, но не допустить коммунистов к власти.

Худшим вариантом для российской демократии был второй. Еще один государственный переворот – это уже привычка, свидетельствующая о том, что партия власти никогда эту самую власть не уступит. Известно, что Ельцина удержали от этого шага в самый последний момент, накануне депутатов уже не пустили один раз в Думу.

Вариант со свободными выборами и последующим приходом коммунистов к власти многие даже сейчас считают предпочтительным – демократические принципы прежде всего. Бывший коммунист Квасьневский стал президентом Польши, и это не помешало либералам победить на следующих парламентских выборах. Возможно, и у нас случилось бы то же и мы не знали бы всех последствий «голосования сердцем».

Я думаю, что к такого рода заключениям можно прийти только апостериори, не зная всех итогов возможного развития событий при первом из вариантов, бывших в распоряже-

нии Ельцина. Вряд ли Россия пошла бы по пути освободившейся от коммунистического бремени Польши. Никто из политических игроков не доверял своим оппонентам и не верил, что нормы молодой российской демократии будут соблюдаться.

Если оценить эти варианты в соответствии со своеобразной шкалой успеха и вероятности осуществления, то лучшим для демократии и продолжения реформ был все же третий, реализованный на практике вариант. С привлечением политтехнологий и шоу-бизнеса, с коробками из-под ксерокса, с единодушным отказом всей либеральной прессы от какой-либо критики в адрес власти.

Известно, что толпа легко поддается внушению. Известно, что в современном обществе вся масса избирателей может быть обращена в толпу (Московичи 1996: 13). К тому же власть, не допуская явных нарушений закона, может манипулировать избирательной кампанией за счет тотального доступа к СМИ, снятия неудобных кандидатов и других возможностей влияния на электорат. Демократические нормы зачастую приносятся в жертву благородным (по мнению власти) целям. Именно такая управляемая демократия и установилась в России во время президентских выборов 1996 года. Я думаю, тогда это был лучший выбор из упомянутых трех вариантов: противопоставлять ему надо не идеальную демократию или протодемократию революционного периода, но именно оставшиеся два варианта развития событий.

Победа коммунистов означала бы несомненное поражение реформ, пересмотр их итогов, откат на неопределенное время назад, даже если бы КПРФ согласилась сохранить институт свободных выборов. Государственный переворот – трагедия, возможно навсегда перечеркнувшая бы демократические перспективы России.

Как альтернатива государственному перевороту управляемая демократия – шаг вперед, но шаг, влекущий за собой риск злоупотреблений властью и угрозу для будущего демократии.

Реформаторы и олигархи

Первое время после выборов в рядах победителей царил эйфория. Ельцин заявил, что хотел бы сохранить свой боеспособный штаб. Чубайс, недавно обвиненный во всех грехах, был назначен главой Администрации Президента РФ.

Вскоре ситуация осложнилась, Ельцин заболел уже между двумя турами и осенью 1996 года объявил, что ему предстоит операция на сердце. Одновременно приходилось считаться с тем, что в Думе доминировало левое большинство, а избирательная кампания, которую на самом деле профинансировали не столько олигархи, сколько само государство, обошлась слишком дорого. Бюджет погряз в глубокой трясине обязательств по ГКО, и для выхода из кризиса требовалось по меньшей мере три года жесточайшей финансовой политики. Правительство между тем оказалось явно слабее состава 1995 года и без президента ни на что решиться не могло. Главное же – распалась коалиция реформаторов и олигархов.

Посмотрим на основных игроков обновленной элиты. Парламент после выборов потерял прежнее влияние, группа силовиков во главе с Коржаковым потерпела поражение. В составе элиты можно выделить три группы:

1) *реформаторы* во главе с А. Чубайсом и Б. Немцовым, пришедшими в правительство, чтобы использовать победу на выборах для продвижения реформ. Их главный ресурс – влияние на Ельцина и властные полномочия занимаемых постов;

2) *олигархи*, «семибанкирщина», главный интерес которых состоял в получении в качестве компенсации за поддержку президента на выборах лакомых кусков государственной собственности или контроля над финансовыми потоками, а также во влиянии на политику государства. Реформы им были не слишком нужны;

3) *лидеры* – так я условно назову группу лиц высшего ранга, которые, собственно, и принимали политические решения: президент и его ближайшие советники. Премьер-министр Черномырдин был, думаю, уязвлен тем, что в марте 1997 года заместителями ему назначили «комиссаров реформ» – Чубайса и Немцова.

Олигархи в общем получили обещанное, хотя, на мой взгляд, могли бы удовлетвориться и тем, что сохранили у власти президента – противника коммунистов, поборника реформ и демократии, президента, при котором крупный бизнес спокойно процветал. В результате Березовский получил ОРТ и «Сибнефть», Гусинский – кредит на развитие НТВ от «Газпрома», Ходорковский – ЮКОС, Потанин – «Норильский никель». Между олигархами началась конкуренция, интересы Потанина, с одной стороны, и Березовского и Гусинского – с другой, разошлись. В то время их влияние на политику было максимально высоким: их позиции нельзя было критиковать публично, разве что на страницах коммунистической прессы. ОРТ и НТВ стали средствами манипулирования общественным мнением в интересах их хозяев.

Против этого, задолго до путинского «равноудаления», выступили реформаторы: Чубайс решил продать компанию «Связьинвест» согласно существующим правилам. Правда, досталась компания союзнику Чубайса В. Потанину. Гусинский, другой претендент, чувствующий себя обделенным, признал: да, все было по правилам, однако «мы так не договаривались».

Началась информационная война, прежде всего вокруг гонорара за книгу о российской приватизации, которую писали Чубайс и его коллеги, гонорара на сумму 400 тыс. долларов. Напомню, за «Связьинвест» предлагали 1700 млн. долларов. Реформаторы проиграли – прежде всего потому, что политические лидеры не встали на их защиту. Они считали, что реальная политика должна считаться со своеобразием становления российского крупного бизнеса. Чубайс ушел из правительства, а Березовский занял место заместителя секретаря Совета безопасности.

Какое отношение «разборки» в коридорах власти имеют к становлению российской демократии? Самое прямое! Вся страна наблюдала за происходящим, и уважения со стороны простых граждан ни к власти, ни к бизнесу от этого не прибавлялось. Более того, росла уверенность большей части общества в том, что его обманули, что государственная политика делается малым числом людей в корыстных целях, а страна, граждане остаются вне пределов их интересов. Кому нужна такая демократия? Между тем это была демократия, только уже управляемая. Коалиция реформаторов и бизнеса, которая действительно могла бы способствовать развитию страны, развалилась. Победа на президентских выборах не придала импульса демократическому развитию. Реформы были остановлены.

Затем на первый план снова вышло противостояние президента и парламента. В марте 1998 года Ельцин отправил в отставку правительство, сменив Черномырдина на С. Кириенко. Дума утвердила последнего только под угрозой роспуска. В августе грянул жесточайший финансовый кризис, Кириенко также отправили в отставку. Теперь уже стало ясно, что Ельцину придется идти на уступки коммунистам: компромиссом стало назначение премьер-министром Е. Примакова.

Примаков принадлежал к иной генерации политиков. В нем видели альтернативу Ельцину на приближающихся президентских выборах. Примаков уже успел продемонстрировать свое отрицательное отношение к олигархам и бизнесменам, приближенным к высшим эшелонам власти. Как ни относиться к взглядам Примакова, его позиция, несомненно, находила поддержку в самых широких кругах населения. Генеральный прокурор Ю. Скуратов при явной поддержке нового премьера начал расследование против Березовского. Однако столь откровенное нападение оказалось поспешным: окружение президента, в свою очередь, перешло в атаку. Итогом стала акция против Скуратова – фильм о его любовных похождениях.

ниях и драма с его увольнением. В результате в оппозиции к президенту оказался ряд сенаторов, т. е. губернаторов, среди которых было немало коммунистов, победивших на региональных выборах 1995—1996 годов. Наконец, отставка Примакова обозначила очевидную проблему: конфликт в элите и обществе снова грозил стать неразрешимым.

Политическая стабилизация, начавшаяся еще в 1993 году, успеха не имела. На приближающихся парламентских и президентских выборах маячила смена режима, политической элиты и общего курса, который парадоксальным образом все еще считался курсом рыночных реформ и демократии.

Часть II Настоящее

Глава 6 Путинский этап

Владимир Путин стал президентом в чрезвычайно сложное и в то же время весьма благоприятное для него время. Страна устала от больного президента, от дергавших за ниточки кукловодов-олигархов, от бессильных попыток реформ, воспринимавшихся уже как угроза национальному благосостоянию. Люди хотели перемен, и они должны были наступить. Казалось очевидным, что на выборах 2000 года Ельцин выдвигать свою кандидатуру уже не будет: и Конституция, и здоровье этого сделать не позволяли.

6. 1. Смена вех. Новый триумф управляемой демократии

Накануне парламентских выборов 1999 года складывалась принципиально новая политическая обстановка. Финансовый кризис 1998 года смел реформаторов с политической сцены, обозначил поражение их общего курса. Оживление в экономике, начавшееся после кризиса, считалось заслугой единственно Евгения Примакова.

Коммунисты на предстоящих выборах могли рассчитывать по меньшей мере на сохранение позиций: они ничем не провинились перед своим электоратом.

На первое место выдвигалась левоцентристская коалиция региональных лидеров от Ю. Лужкова и В. Яковлева до М. Шаймиева и части федеральной бюрократии, ориентированной на Примакова, – будущий блок «Отечество – Вся Россия» (ОВР).

Правящая элита – лидеры и олигархи в несколько обновленном составе (появились новые фигуры – А. Волошин, О. Дерипаска, Р. Абрамович, П. Бородин; В. Гусинский же взял сторону ОВР) – оказались перед угрозой полного поражения и утраты всех позиций, некоторым из них это обещало даже уголовные преследования. Они не могли позволить себе отдать власть. Нужна была новая мобилизация, но уже без разбиения политического спектра на два противостоящих друг другу лагеря, как это случилось в 1996 году. Элите надлежало: 1) выдвинуть достойного преемника Ельцину; 2) создать политическую организацию, способную успешно выступить на думских выборах; 3) провести предвыборную кампанию, в ходе которой добиться продвижения своих кандидатов и дискредитации оппонентов, главным из которых оказался ОВР; 4) сконцентрировать необходимые финансовые и административные ресурсы.

Для решения этих задач вновь были пущены в ход методы управляемой демократии. Подходящего кандидата в президенты подобрали не сразу: в деле фигурировали и Сергей Степашин, и Николай Аксененко, и, наконец, Владимир Путин, занимавший тогда пост директора ФСБ. Политическая организация «Единство» была создана практически на пустом месте, с расчетом на актив федеральных и местных властей, всегда склонных поддерживать партию власти. Реформаторы, не без труда объединившиеся в Союз правых сил (СПС), рассматривались как союзники. Они и в самом деле, из идейных и прочих соображений, не были заинтересованы в победе ОВР и коммунистов. Средства массовой информации, прежде всего первый и второй каналы телевидения, начали информационную войну против Лужкова и Примакова. Лужков понял, что его ждут разоблачения, экономические и политические потери, и отказался от собственных президентских амбиций. То же следом

за ним сделал и Примаков – после нескольких сеансов телевизионной терапии с Сергеем Доренко. Лозунг правых «Путина – в президенты, Кириенко – в Думу» также имел успех. Деньги на все это нашлись прежде всего в государственных монополиях.

Я не смогу описать эту кампанию в деталях. Важен результат: несмотря на некоторое ощущение нечистоплотности проделанной работы, поставленные цели были полностью достигнуты. Помог и сам Путин, его решительность в операциях против чеченских сепаратистов в Дагестане и знаменитое «мочить в сортире» сыграли не последнюю роль. Избиратели с восторгом приняли нового лидера – молодого, умного, энергичного и в то же время простого, похожего на всех, выгодно отличавшегося от первого российского президента, проводившего время на даче за «работой с документами». Маневр с отставкой Ельцина перед миллениумом, трогательная прощальная речь, заявление, что Путин наконец сможет сплотить народ и преодолеть конфликт революционной эпохи, досрочная передача власти преемнику накануне выборов были завершающим аккордом блестящей операции.

Управляемая демократия еще раз продемонстрировала свою высокую эффективность и придала уверенность власть предержащим в том, что они и впредь могут рассчитывать на этот инструмент. При этом как мнение избирателей, так и содержание политических программ борющихся за власть партий не являются существенным аргументом. Важно иметь в распоряжении команду хороших политтехнологов и пиарщиков, не брезгующих никакими средствами, много денег и, главное, власть. Отдавать власть глупо. Смена президента произошла законно, в срок, чего еще нужно? Впрочем, с этими событиями произошла и смена политических вех современной российской истории.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.